

...nt. quod accidit ppe nam dei qui prepat p os iohne
ntur. vrbisq; ipsa anathema est. nec te pceda quicq
um israhel contra pceptum dei aliquo ex pto!

Альбигойский Крест. На Тулузу!

Бушмин Виктор

Виктор Бушмин

Альбигойский Крест. На Тулузу!

«Автор»

2023

Бушмин В. В.

Альбигойский Крест. На Тулузу! / В. В. Бушмин — «Автор»,
2023

Кровавая вакханалия все глубже затягивала на дно. Неужели нет выхода?
Крестоносцам предписан лишь один путь - к победе...

© Бушмин В. В., 2023

© Автор, 2023

Виктор Бушмин

Альбигойский Крест. На Тулузу!

I ГЛАВА.

Расследование Авраама чуть не привело его в могилу.

Каркассон. 27 августа 1221 года.

После неожиданного визита сенешаля, насмерть перепуганный Авраам бросился на поиски злосчастных почтовых голубей, обшаривая каждый закуток старинного Каркассона. Он понимал, что от его расторопности, сообразительности и, в конце концов, удачливости, зависят судьбы всей еврейской общины. Да, самым простым актом, позволявшим хоть как-то выместить злобу за свои неудачи, крестоносцы могли объявить начало еврейских погромов, списав на извечных скитальцев все, что только можно было придумать.

Лишенные родины, они вечно блуждали по всей Европе, платя золотом за возможность ощутить призрак домашнего спокойствия. Короли и герцоги, графы и знатные бароны не упускали случая содрать три шкуры, назначая грабительские поборы и, частенько, не гнушались откровенным грабежом, разбоем и захватом заложников. Даже король Филипп, в самом начале своего царствования, захватывал евреев прямо в синагогах, получая огромные выкупы, которые он тут же тратил на продолжение войны с Англией и ее анжуйскими королями.

После четырех дней бесплодных поисков, тыканий из одного угла в другой, Авраам, наконец-то, почувствовал след удачи. Этот след вел его сразу в три места: голубятню графа Амори, дом городского старшины и, к его большому сожалению, в домик вдовы Катерины.

«Ей-то, зачем? – Размышлял Авраам, направляясь к ее домику, стоявшему в конце улочки и окруженному аккуратными яблоневыми деревьями. – Придумала, право, глупость. Не маленькая уже, а все бы играть с птичками...».

Он уже видел ее дом, когда что-то заставило остановиться и прижаться к стене, оставаясь незамеченным. Вернее сказать, кто-то. Незнакомец вышел из дома Катерины, как-то воровато осмотрелся по сторонам и, резко сливаясь с группой празднично шатающихся горожан, направился к городским воротам, до которых от дома вдовы оставалось около ста шагов.

Аврааму показалось, что чьи-то лица незнакомца ему кого-то напомнили, но, как ни старался, вспомнить имя незнакомца не удавалось. Он уже было вышел из-за угла дома, но снова приостановился. Катерина раскрыла окно и по пояс высунулась из него, осматривая улицу. Что-то подозрительное было во всем этом. Еврей все-таки вышел из-за угла соседнего дома и направился к ней, приветливо помахав рукой.

Вдова улыбнулась и кивком головы пригласила его войти. Она побледнела, но справилась с неожиданным появлением своего знакомого, посмотрела по сторонам, словно опасаясь быть замеченной кем-то, и поздоровалась с Авраамом:

– Доброго тебе дня, соседка Авраам. Что-то ты позабыл меня, совсем не заходишь в гости на огонек...

– Дела, сама понимаешь, – попытался отговориться Авраам, – к тому, дядюшка что-то начал куражиться, совсем житья не стало!

– А-а-а, – кивнула она, – старость не радость, затрепал тебя, сердешного...

– Не то слово. – Ответил он, входя в дом.

Вдова быстро закрыла за ним дверь и пригласила к столу. Авраам нехотя согласился и, когда она встала рядом с ним, обнял ее и усадил к себе на колени.

– Баловник, какой! – Засмеялась она. – Нет, чтобы расспросить для начала, как дела, как жизнь, все ли у меня хорошо. Нет! Сразу же лезет обниматься и, так и норовит залезть под юбки!

Она откинула голову назад, волосы, слегка уложенные на ней, растрепались и осыпались на спину густой черной волной. Авраам поцеловал ее шею и плечи.

– Пойдем в спальню... – прошептала она, беря его за руку, – ты, просто, сводишь меня с ума!

«Как бы не так, – мелькнуло в голове Авраама, – свожу с ума, а от нее неизвестно кто выходит, да еще посередине дня!».

– Ой, рад бы, да мне бежать надо... – соврал он, хотя в его голове промелькнула мысль, что часик он мог бы спокойно провести у нее в постели, уж больно сладка была вдовушка. – Дядюшка, как назло, начал ворчать, что я распродал всех почтовых голубей. Ему, видите ли, сейчас понадобился один такой! Вынь, да и положи ему! Письмо ему надо отправить...

Катерина мельком взглянула на него. В ее взгляде пролетело что-то, напоминающее подозрение или недоверие, но она сдержалась и ответила:

– У меня решил поискать. Ах ты...

– Да, – ответил он, отводя глаза. – кровь из носу, а мне нужен один голубь, тренированный для полетов в Арагон. Я, помнится, тебе продал парочку таких...

– Это не мне... – холодно отрезала вдова. – Меня просил один мой знакомый, ему было все равно, почтовые они, или нет.

– Очень жаль, – покачал головой еврей, – ах, как жаль! Просто беда! Катерина, золотая моя, а, может быть, я зайду к нему, сошлюсь на тебя, попрошу продать одну птицу, а?..

– Нет, уже ничего не получится. – Грустно покачала головой она. – Я их брала для сокольничего графа Амори. А его, как назло, сегодня утром убили...

– Как убили? – Удивился еврей, хотя он уже слышал об этой ужасной новости. – Бедный человек.

– Царствие ему Небесное, – перекрестилась она, бросая холодный взгляд из-под полупущенных ресниц. – Он, в пример многим, был очень добр ко мне...

– Да? – игриво подмигнул ей Авраам. – Добр? Ой, я понимаю, о какой доброте ты говоришь...

– Перестань! – Ответила она, сверкнув гневным взглядом. – Не тебе, да и не сейчас говорить такое о покойнике!

Она разругалась, грудь ее высоко вздымалась. Было видно, что она сильно волнуется.

– Ну, извини, мне надо бежать... – Авраам встал и направился к двери. – Буду дальше искать почтового голубя. Может быть, вечером загляну, если ты не против...

– Нет, не против. Доброму человеку и сердце радуется. Будет, кому утешить несчастную вдову... – игриво улыбнулась она.

– До скорого свидания... – он помахал ей рукой и вышел на яркий солнечный свет, заливавший улочку, но, выйдя из дома, остановился на крыльце и, словно случайно, спросил. – Катерина, а, помнится, у сиротки Флоранс были какие-то голуби?

– У нее тоже нет почтовых... – Неожиданно резко ответила она и закрыла дверь, словно опасаясь лишних расспросов.

Авраам прищурился, солнце сильно пекло и слепило глаза, и пошел по улочке, направляясь к дому старшины города. Его долго не пускали в дом. Слугам нравилось издеваться над евреями, получая призрачную компенсацию за все свои житейские неудачи, в которых, естественно, за неимением других первопричин, винули весь еврейский народ. После долгих мытарств и откровенных издевательств, городской старшина смилостивился и принял измученного жарой и слугами Авраама. Он изобразил откровенное пренебрежение к его странной просьбе, связанной с голубями, и, хотя являлся одним из крупных должников его дяди,

долгое время разыгрывал знатного вельможу, компенсируя, таким образом, свои финансовые издержки по займам. Только после вмешательства его жены, шепнувшей ему что-то важное на ухо, городской старшина сменил гнев на милость и пустил еврея в голубятню. Авраам придирчиво осмотрел всех птиц, похвалил охотничьих соколов, чей холеный откормленный вид был поистине царственен. Но, и у старшины не оказалось почтовых голубей – только обычные сизари, с которыми игрались его внуки и племянники.

Еврей вышел от старшины, имея еще больше вопросов, чем в начале своего расследования. Но, тянуть со временем было нельзя. Его ожидал сенешаль, терпение которого Авраам не желал испытывать. Он понуро опустил голову и пошел домой, решив отложить визит до следующего дня. Если бы он только знал, какая опасность ему грозит, и какие силы он всколыхнул своим неосторожным визитом и расспросами вдовы, он наверняка бы заперся в самой неприступной темнице крестоносцев, лишь бы спасти свою жизнь.

Сразу же после его неожиданного визита, Катерина взяла в руки корзинку и пошла на рынок. Никаких продуктов ей покупать не требовалось, визит Авраама, его расспросы и хитрые взгляды, встревожили ее не на шутку, заставив искать встречи с тайными агентами катаров, осевших в Каркассоне. Она жутко боялась Пьера-Роже де Мирпуа, ее охватывала дрожь при воспоминании о его холодных, словно льдинки, глазах, его руках, залитых кровью, которые он даже не вымыл, когда грубо, словно животное, брал ее силой прямо возле входной двери в ночь убийства глупого и доверчивого сокольника. Но, вместе с неприятной дрожью, Катерина испытывала какое-то странное возбуждение, вспоминая события той ночи.

Побродив среди рядов продавцов, взалев нахваливавших свой товар, вдова краем глаза заметила одного из связников, прислонившегося к колонне возле колодца. Она пошла к нему, словно желая напиться прохладной воды, и, проходя мимо незнакомца, тихо произнесла:

– Один еврей интересуется голубями. Мне нужна помощь...

Незнакомец, высокий мужчина средних лет, одетый в льняную рубаху и свободного покроя полотняные штаны, тихо ответил ей:

– Имя...

– Авраам...

– Забудь о нем, как о страшном сне...

Каркассон. Цитадель. 28 августа 1221 года.

Привлеченный громкими криками привратников, сенешаль вышел из тени небольшого навеса, сооруженного над крепостным колодцем, и пошел к воротам. Воины придирчиво осматривали мужчину, одетого в еврейские одежды, трясая его, словно яблоню. Несчастный охал, но терпеливо сносил грубость воинов, бросая умоляющие взгляды на сенешаля, шедшего к воротам.

– Эй! Пропустите его! – Ги де Леви махнул рукой воинам. – Еврей Авраам пришел ко мне по делам!..

Воины поклонились, отпустили Авраама. Он поправил свои растрепавшиеся одежды и поспешил к сенешалю, что-то ворча себе под нос.

– Я уже заждался тебя... – произнес сенешаль, окидывая суровым взглядом еврея. – Подумал, что уже пора направить к вам в синагогу двадцать арбалетчиков, а тут, ты сам являешься. Словно мысли читать умеешь...

– Простите, ваша милость... – дрожащим от волнения голосом произнес Авраам и упал на колени перед рыцарем. – С ног сбился, разыскивая этих треклятых голубей...

Сенешаль с недоверием покосился на новые туфли:

– Что-то не верится...

– Клянусь звездой Давида! Обегал весь Каркассон, носился, как угорелый...

– Ваши клятвы – да собаке под хвост! – Скривился сенешаль и плюнул на землю возле Авраама. – Подлый народец, христопродавцы...

– Простите, ваша милость, что заставил вас ждать... – Авраам побелел от страха. – Небеса свидетели...

– Так! Мне надоело слушать твою бестолковую трескотню! Рассказывай быстро, коротко и четко. Не вздумай обращаться к небесам, мерзкий богохульник!

Авраам выпалил все, что смог разузнать за эти дни. По мере его рассказа, лицо сенешаля серело. Авраам трясся, словно тонкий лист на ветру, ожидая сильной взбучки, всего, чего только угодно, лишь бы сохранить жизнь. Наконец, он замолчал, упав лицом в пыль, и затрясся всем телом, ожидая сильного пинка ногой от рыцаря.

Но, к его удивлению, вместо грозного крика он услышал спокойный и повелительный голос Ги де Леви:

– Вставай, молодец, отлично поработал! Можешь передать своему дяде, что я доволен...

Авраам немного приподнял голову и тихо переспросил:

– Нам ничего не угрожает, ваша милость? Вы, по-прежнему, будете проявлять свое расположение к нашей общине?..

Ги укоризненно покачал головой:

– Вот вы, какой интересный народ! Я, право, не перестаю удивляться, только голову спас от петли, а уже думает о выгоде...

Авраам вскочил на колени и прижался к ногам рыцаря:

– Благодетель вы наш! Спаситель...

Ги посмотрел по сторонам и произнес, отталкивая его ногой от себя:

– Все! Проваливай, не то передумаю, да возьму, и засажу тебя в темницу!..

Авраам вскочил, неуклюже поклонился сенешалю, и побежал к воротам, то и дело, оглядываясь назад, словно опасался чего-то.

Когда он скрылся в арке крепостных ворот, Ги прошел в часовню, где его ожидали монахи, присланные Чезаре для оказания помощи в расследовании и поимке шпиона.

– Бог вам в помощь, сеньор сенешаль... – поклонились они, едва Ги переступил порог часовни. – Храни вас Господь...

– Вашими молитвами, – Ги перекрестился, оглядывая часовню. – Посторонних нет?

– Только мы, слуги Божия...

– Прекрасно. Приходил еврей Авраам, он рассказал премного занятных вещей о голубях... – сенешаль пересказал весь разговор с евреем, стараясь не пропустить ни одной подробности.

Монахи молча выслушали его. Один из них, широкоплечий белокурый монах, больше похожий на рыцаря, нежели на слугу Церкви, высказал свое предположение:

– Нам надо организовать скрытое наблюдение за евреем...

– Не понял, для чего? – Удивился сенешаль.

– Видите ли, сеньор сенешаль. – Продолжил тот, кивком головы приказав своему напарнику встать возле дверей часовни. – Если он прав и вдова является одной из группы катарских шпионов, его могут убить, чтобы попытаться замести следы. К тому же, сеньор де Леви, не помешает небольшая слежка за домом Катерины и ее гостями...

– А Флоранс? – Уточнил Ги де Леви.

– Она, скорее всего, тут не причем... – монах отрицательно покачал головой. – Пусть бедная сирота гуляет, дышит свежим воздухом. Пока...

– Что, значит, пока? – Не понял сенешаль.

– Не хотели вас беспокоить раньше времени, сеньор сенешаль. Наши люди с большим трудом разыскали старую монахиню, принимавшую роды у ее матери. Она воспитывала девочку, учила ее латыни и прочим премудростям жизни. И хотя она не видела Флоранс уже

лет десять, мы полагаем, что она сможет опознать ее по нескольким родинкам, которые у нее должны сохраниться на теле...

– Так вы считаете Флоранс шпионкой?! – Ги де Леви онемел от удивления, словно на него вылили ушат ледяной воды. – Вот, уж, никогда бы не подумал...

– Всякое может быть, сеньор сенешаль... – монах пожал плечами. – Но, проверить, все-таки, не мешает. А пока, мы все будем ходить и мило улыбаться ей в глаза, чтобы, не дай Бог, не спугнуть ее, родненькую...

– Кошмар, да и только! – Единственное, что смог произнести ошеломленный сенешаль. – Бог ты мой...

Монах развел руками:

– Мы внимательно изучили текст записки. Ее писала женщина, скорее всего, даже девушка, судя по угловатости почерка и старательности некоторых завитков на буквах. Правда, не исключено, что она специально сменила почерк, чтобы запутать следы. Но, сама записка написана, несомненно, второпях. А это значит, что она не сильно думала о смене почерка. Ее беспокоило лишь одно – доставить адресату письмо, и как можно скорее...

Сенешаль присел на скамью, грустно вздохнул и покачал головой:

– Никогда бы не подумал, что почерк может так много рассказать о его хозяине...

– Бог мой Сеньор де Леви, есть еще много других, не менее удивительных способов разведки и анализа... – монах сделал виноватое лицо. – Наша работа очень странная, на первый взгляд, но, помилуй Бог, крайне необходимая для спокойствия короны и всей Франции...

– Я все понял. Если потребуются люди, можете смело выбирать любых, ссылаясь на мой приказ... – Ги встал и покинул часовню.

– Мы так и поступим, сеньор... – ответил ему монах и поклонился. – Но, будем рассчитывать на то, что нам, все-таки, не придется прибегать к услугам ваших людей. К нам, слава Богу, прибыли помощники из Нарбонна...

Сенешаль задержался на пороге часовни и удивленно посмотрел на монаха:

– Святые угодники! Я даже и не был в курсе...

– Простите, сеньор сенешаль, мы сделали все распоряжения сами и не оповестили вас вовсе не из недоверия, а вам же во благо. К тому же, лишние уши и глаза здесь могли только помешать...

– Как же вы разместили своих людей? Где?..

– Очень просто. В Каркассоне постоянно действует ярмарка, так что затеряться среди торговцев не сложно...

– Просто нет слов... – Ги де Леви отдал должное прозорливости секретных агентов короля. – Так и продолжайте, не стану вам мешать. Каждый должен исполнять свои дела...

Каркассон. Цитадель. Раннее утро 29 августа 1221 года.

– Отец, вставайте! У нас есть первый улов! – сын стучал кулаком в двери спальни сенешаля.

– Что случилось? – Зевая, спросил его сенешаль, высунув голову из полуоткрытой двери. Он накинул просторный шелковый халат. – О чем ты говоришь?..

– Отец! Монахи поймали двух человек, пытавшихся этой ночью зарезать еврея Авраама!..

– Так, теперь, пожалуйста, тише... – Ги запахнул халат и вышел с сыном в коридор. – Двоих, говоришь?..

– Нет! Их было больше, но третий был убит, а четвертому, скотине такому, чудом удалось скрыться, пользуясь темнотой... – Глаза сына горели от возбуждения.

– Где они? – Сенешаль пристально посмотрел в глаза сына.

– Они сейчас в часовне. Их отвели монахи, или, – сын замялся, подбирая нужные слова, – в общем, ты сам знаешь, кто они на самом деле...

– Прекрасно. Клянусь Спасителем, у нас начинаются преинтересные дни! Я быстро оденусь и прибуду в часовню, а ты пока собирай рыцарей, только самых надежных и неболтливых...

– Будет исполнено, отец! – Ги-младший поклонился и побежал к казармам.

Сенешаль вернулся в комнату и стал переодеваться. То, с какой ретивостью королевские агенты взялись за слежку, приятно поразило и одновременно насторожило его. Ги опасался только одного – главарь сопротивления мог улизнуть, ведь одному из катарских убийц удалось избежать поимки и скрыться в темноте. Одному богу известно, где он сейчас...

Каркассон. 28 августа 1221 года. Вечер.

Монахи дождались ухода сенешаля и осторожно вышли из часовни. Они осмотрелись и, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, вышли из цитадели. Узкая улочка, изгибаясь между домов горожан, тесно примостившихся один к другому, спускалась к центру города и заканчивалась большой базарной площадью, на одной стороне которой стоял большой собор, а прямо напротив него – крытый городской колодец. Слева к площади примыкала улица, тянувшаяся к западным, или Тулузским, воротам. Третий дом слева, большой и окруженный тенистым садиком плодовых деревьев, был давно выкуплен братством лионских ткачей и служил для них гостиницей. Именно здесь Чезаре и разместил своих агентов, прибывших в Каркассон под видом торговцев тканями и их охраны.

Никого не удивляло, что среди купцов находили профессиональные воины. Смутные времена, когда на дорогах бесчинствовали отряды грабителей, а знатные сеньоры и сами не гнушались заниматься разбоем, вынуждали купцов, торговцев и ремесленников сбиваться в большие караваны, группы, организовывать братства и нанимать вооруженных профессионалов для спасения своих жизней, товаров и выручки.

Темные тучи заволакивали темнеющее вечернее небо, скрывая первые робкие звезды и затушевывая неясный свет робкой луны, когда два монаха подошли к дому. Несмотря на поздний час, в доме ощущалось оживление. Через плотно закрытые деревянные ставни пробивались лучики света, а возле дверей дежурил человек с факелом, одетый в кожаную безрукавку грубой выделки, проклепанную металлическими пластинами, на поясе у него висел короткий широколезвийный меч.

Монахи что-то тихо шепнули ему, он посмотрел по сторонам и открыл им дверь, пропуская в дом. Они вошли и сняли с голов капюшоны.

В большой зале, освещенной пятью смолистыми факелами и светом пылающего камина, сидели и стояли двенадцать человек, принадлежавших, судя по их одеждам, к торговцам, ремесленникам и воинам эскорта каравана. Оружие аккуратно стояло в козлах возле боковой стены, всегда готовое к применению.

– Добрый вечер, друзья... – тихо приветствовали их монахи, – наступил наш час.

Люди оживились, встали и окружили монахов. Все они были, словно скопированы друг с друга, высокие и широкоплечие, с одинаковым холодным и решительным блеском в глазах.

– Круг очерчен. Пора начинать ловлю на живца...

Монахи быстро рассказали план действий, приказав отправить еще четырех человек к дому еврея Исаака следить за его племянником, его жизни теперь угрожала огромная опасность, и на него они собирались, словно на живца, поймать часть активных шпионов катаров.

– Группа наблюдения уже расположена возле дома еврея. – Доложил монаху один из агентов.

Монах удовлетворенно кивнул головой и продолжил:

– Остальным разбиться на две группы. Одна команда пойдет к дому вдовы Катерины и скрытно возьмет его под наблюдение. Вторая группа разместится, на всякий случай, в таверне, что возле дома городского старшины. Мы пока не уверены в нем...

– А вы? – Спросил у монахов один из агентов.

– Мы пойдем в цитадель и станем следить за сиротой...

Наступило напряженное молчание. Воины деловито разобрали оружие и стали прятать его в складках одежды, под длинными плащами и накидками. Монахи молча смотрели на действия своих товарищей, нервно прохаживая по комнате. Когда все вооружились, один из монахов перекрестил их и произнес:

– В добрый путь! С именем Господа и короля Филиппа...

Все преклонили колени и помолились за успех этой сложной и опасной операции.

– Мы готовы... – ответил за всех один из воинов, одетый в купеческие одежды.

– Благослови вас всех Господь, братья... – монах коротко кивнул им и пожал каждому из собравшихся руку.

Воины быстро покинули дом, растворяясь в наступившей ночи. Монахи вышли самыми последними, закрыли входную дверь за ключ и направились к цитадели...

Каркассон. Дом еврея Исаака. Той же ночью.

– Так и сказал, что доволен? – еще раз, для верности, переспросил племянника Исаак.

– Да, так и ответил... – довольно кивнул ему Авраам. – Я уже думал, что не сносить нам головы, а он...

– Мало я верю в благодарность христиан, особенно если они – крестоносцы... – дядя скривился, словно у него свело скулу от резкой и внезапной боли. – Но, запомни одну вещь! Сегодня, равно как и всю неделю, тебе лучше не показываться на улице...

– А как же синагога? – Удивился Авраам. – Это же грех...

– Бог, я думаю, все видит, знает и простит твоё желание сохранить жизнь, находясь среди иноверцев и врагов... – Исаак был настойчив в своих решениях, давая понять, что не намерен выслушивать сомнений или несогласия.

– Хорошо, дядюшка, так я и поступлю... – поклонился племянник. – Можно мне пока пойти в комнату и почитать Талмуд с девочками?

– Ступай, это богоприятное занятие... – ответил старик. Он взял в руки книгу и раскрыл ее на странице, заложённой костяной закладкой. – Я пока проверю наши счета. Скоро конец месяца, а это время выплат процентов и возврата долгов...

Авраам вышел из комнаты, оставляя дядю наедине со своим любимым занятием. Старик преображался, когда занимался финансовыми документами. В эти минуты он словно наливался неизвестной силой, которая проникала в его старческие жилы вместе с проверкой счетов, закладных и долговых расписок. Несчастный и гонимый еврей преображался. Он чувствовал свою значимость, могущество и тайную власть над многими знатными и богатыми мира сего, чего так недоставало в его серой и ущербной действительности, попираемой крестоносцами, христианами, мусульманами. Всеми, кто имел каплю силы или власти над бедными евреями, волею судьбы лишившимися родины и блуждавшие по всему миру, презираемые и ненавидимые непонятно за какие грехи, якобы совершенные злосчастным Иудой, весь грех которого сводился к его принадлежности к несчастному еврейскому племени.

Но мысли о Катерине, ее глазах и недвусмысленному приглашению в гости отвлекали Авраама от чтения священной книги. Он снова и снова мысленно возвращался к прекрасным формам вдовы, отвлекаясь от чтения, и с раздражением заметил, что его тянет к ней какая-то неведомая сила.

Поцеловав девочек, он попросил их не шуметь и, сославшись на какую-то глупую надобность отлучиться из дома, направился к Катерине. Бедный Авраам, он и не догадывался, что направляется прямиком на свидание со своей смертью...

– Смотри-ка, наш еврей вышел... – не приметного вида высокий и широкоплечий незнакомец толкнул своего соседа, задремавшего, спрятавшись за рядами старых телег, стоявших возле закрытой на ночь кузницы. – Вот дурак...

Второй агент проснулся, открыл глаза и, зевая, ответил:

– Пошли за ним...

Они встали и неслышными тенями последовали за Авраамом, стараясь скрываться в темноте строений. Мягкие подошвы их обуви неслышно ступали по камням, а темные развевающиеся плащи сглаживали их силуэты в непроглядной тьме пасмурной ночи.

– Того и гляди, скоро дождь грянет... – прошептал один из наблюдателей. – куда он поперся в такую погоду?..

– Понятное дело, – усмехнулся второй, – охота, мой друг, хуже неволи. Особенно, если на такая сладкая...

– Это верно... – согласился с ним другой наблюдатель...

Авраам прошел мимо четырех агентов, спрятавшихся возле дома вдовы, и ничего не заметив, постучал в ее двери. Дверь дома открылась, осветив улицу ярким светом, и на пороге возник соблазнительный силуэт Катерины. Авраам не успел войти и закрыть за собой дверь, как четверо агентов с силой вломились в дом, схватили еврея и вдову и прикрыли им рты, не позволив даже вскрикнуть. Дверь закрылась, улица была тиха. Никто и не заметил этой быстрой возни. Агенты связали горе-любовников веревками, всунули кляпы в рот и посадили на стулья.

Еврей от ужаса вытаращил свои глаза, вращая ими по сторонам, и, казалось, вот-вот был готов испустить дух от страха. Катерина брыкалась и мотала головой, пытаясь сбросить веревки и выплюнуть кляп.

– Сидите тихо... – сказал один из агентов, приблизившись к ним вплотную. – Вас никто и не собирается убивать...

Еврей потерял сознание от ужаса происшедшего.

– Плесни в него водой. – Спокойно сказал другой агент своему товарищу. – Не хватало еще, чтобы он умер от испуга...

– Как скажешь... – кивнул тот и, взяв в руки кувшин с водой, выплеснул его содержимое в лицо Авраама.

Несчастный еврей открыл глаза и посмотрел на неизвестных ему людей, связавших его и вдову. Агент улыбнулся и погладил его по голове:

– Ну, вот и, слава Богу. – Он повернул голову к своим товарищам. – Он пришел в сознание.

Авраам что-то замычал, но кляп не давал возможности агентам расслышать слова.

– Успокойся. Мы не желаем твоей смерти. Более того, – агент улыбнулся, – мы сделали это для того, чтобы спасти твою жизнь. Нам приказал сам сенешаль...

Авраам удивленно посмотрел на агента, тот еще раз оглядел своих товарищей, повернул к нему голову и произнес:

– Сейчас, я выну у тебя изо рта кляп, а ты пообещаешь мне, что не станешь кричать, а спокойно выслушаешь мои слова...

Авраам кивнул головой несколько раз, давая понять, что согласен. Агент осторожно вынул у него кляп, еврей несколько раз глубоко вдохнул воздух, потряс головой и ответил:

– Я готов вас слушать, сеньоры...

– Молодец. – Спокойно ответил ему агент. – Сегодня, скорее всего, тебя будут убивать. Еврей открыл рот, чтобы крикнуть, но агент зажал ему рот и тихо повторил:

– Кричать не стоит. Мы же договорились?.. – он дождался повторного утвердительного жеста еврея. – Вот, сиди, как можно тише, и слушай. Отвечать мне не надо, только кивай головой в ответ. Понял?..

Еврей кивнул, тот продолжил, отнимая свою руку от его рта:

– Ты приходил к вдове и расспрашивал ее о птицах (Авраам утвердительно покачал головой в ответ). Прекрасно. Она насторожилась? (Снова кивок головы) А потом что-то невнятно ответила тебе, но пригласила в гости, мол, сильно соскучилась?

– Да, как вы догадались? – Прошептал в ответ Авраам.

– Очень просто. А ты, глупый такой, даже своего дядю не послушался. Он, наверное, предупреждал тебя об опасности?

Снова молчание и утвердительный кивок.

– Вот, значит, я не ошибся. – Агент тихо засмеялся. – Значит, она пригласила тебя именно сегодня?..

– Да...

– Прекрасно! Так вот, мой бедный еврей, именно сегодня ночью, в ее мягкой и теплой постельке, – агент изобразил на своем лице умильную гримасу, – тебя и зарежут, как барана...

– Нет, не надо... – побледнев, произнес Авраам.

– Конечно. Лично мы это и не собираемся делать. – Спокойно ответил ему агент. – Мы подождем, когда наши неожиданные гости придут к Катерине, спокойно их повяжем, если, конечно, они не станут спорить против этого, и заберем их вместе с вдовушкой в цитадель. Хотя, нет. Катерину мы пока оставим в доме с нашими людьми, вдруг, кто-нибудь еще заглянет на огонек к нашей премилой и радушной хозяйшке...

Авраам испуганно посмотрел на Катерину, словно задавая ей вопрос. Та сделала удивленное лицо и отрицательно покачала головой в ответ. Агент перехватил ее взгляд, усмехнулся и, обратившись к еврею, сказал:

– Грешно быть таким наивным. Грешно. – Он как-то грустно посмотрел на Авраама и добавил. – И смешно...

– Я вам не верю. Мы любим друг друга, несмотря на разницу религий, наплевав на взгляды людей...

– Вот и люби себе на здоровье. А пока, – агент серьезно посмотрел в глаза Авраама, тот вздрогнул и умолк, сжавшись в комочек, – мы все немного посидим в тишине и спокойствии и посмотрим, не придет ли кто еще на огонек к твоей любимой...

Агент махнул рукой, и два его товарища увели еврея в спальню Катерины, оставшись с ним в комнате. Вдова осталась сидеть связанная на стуле. Он подошел и, пристально глядя ей в глаза, медленно произнес:

– Полагаю, нам не надобности и дальше ломать эту комедию? Или, может быть, клещи церковного суда, как пособнице еретиков и мятежников, тебе милее спокойной жизни?..

Катерина стала извиваться от ужаса на кресле, но веревки крепко держали ее, не позволяя упасть или выскользнуть. Агент погладил ее по голове:

– Успокойся. Я предлагаю тебе сделку. Ты у нас женщина умная и должна понять, что жизнь с ее прелестями гораздо интереснее долгой и мучительной смерти. Я представляю, какое удовольствие испытает наш палач Огюст, терзая твою нежную и красивую плоть своими раскаленными щипцами. О, чуть не забыл! Вряд ли у тебя хватит сил выдержать допрос церковного суда. А ведьмам и еретикам полагается только очистительный огонь аутодафе...

Катерина уронила голову на грудь, потеряв сознание. Агент похлопал ее по щекам, привел в сознание и, улыбнувшись ей, продолжил свой монолог:

– Ну, какие мы все слабенькие! Простой беседы о житье-бытье, и то не выдерживаем. Сердечко, наверное, щемит? Боишься?..

Она утвердительно закивала головой в ответ. Агент улыбнулся и ответил:

– Давай-ка, и мы тобой миром и ладом разойдемся. Я сейчас тихонько сниму с тебя кляп, развяжу, а ты, наша золотая, спокойно расскажешь, сколько их придет и когда. Ну, по рукам?..

Она кивнула. Агент спокойно развязал ее, вынул кляп, протянул стакан с вином:

– На, выпей вина. Приди в себя, а то нам всем смотреть на тебя больно. Красивая и еще не старая женщина, а раскисла и трясешься, словно осиной листок. Успокойся...

Катерина выпила залпом большой стакан вина, налила себе еще один, снова выпила его и, вытерев рукавом капли с губ, ответила:

– Сделаю, все, что угодно. Только, ради Христа, простите и спасите меня, горемыку. Запуталась я, запугали и застрашали они, аспиды...

– Вот. Совсем другое дело. Только, давай-ка, договоримся, что больше не станем ссылаться на сложность судьбы и все такое...

– Хорошо, сеньор. Как прикажете... – часто закивала головой вдова.

– Излагай, спасай свою бессмертную душу... – агент ел на стул рядом с ней.

– Их будет четверо, но, самого главного среди них, сеньора де Мирпуа, не будет. Он сейчас готовит ловушку для крестоносцев. Ой, простите, для наших славных христовых братьев...

– Прекрасный взгляд на вещи, достоин похвалы. Полагаю, что многие католики могут взять твои слова в пример. Когда же они соизволят заглянуть к тебе?..

– После первой ночной стражи, сеньор...

Агент поднял глаза к потолку, задумался, улыбнулся ей и ответил:

– Боже, какое неожиданное счастье. Нам не придется их долго ждать. Стража, вот-вот, начнет свой обход от городских ворот. Значит, они будут совсем скоро. Ты, я надеюсь, готова нам помочь?..

– Да, сударь... – Катерина сделалась бледной от волнения.

– Они постучат, ты ихпустишь и скажешь, что Авраамушка спит в спальне сном младенца, а я и мои товарищи встретим их, как положено...

– Хорошо, сударь... – губы вдовы тряслись от шока и испуга за свою жизнь.

– Только, не вздумай шутить. Мы, к несчастью, абсолютно не поминаем шуток...

Они разместились в доме вдовы, ожидая прибытия катарских шпионов. Время летело медленно, словно тягучий мед, плавно переходя от одной минуты к другой. Катерина нервничала, прохаживаясь из угла в угол дома.

– Сядь и успокойся... – сказал ей агент. – Не хватало еще, чтобы они увидели, как ты маячишь в окнах среди ночи. И, пожалуйста, приглуши свет...

– Не стоит, он и так еле теплится... – заметил один из его товарищей. Он внезапно замолчал, прислушиваясь к шумам и шорохам улицы, и сделал шест, приложив палец к губам.

Агенты неслышно растворились в доме, приготовившись к захвату. В дверь осторожно постучали. Катерина подошла к двери и спросила:

– Кто там?.. – ее голос вздрогнул от волнения.

– Голубь мира... – зло прошептали ей из-за двери. – Открывай, не тани...

Она открыла дверь, пропуская четыре тени в затемненный дом.

– Он уже пришел?..

– Да, спит в спальне... – ответила вдова, чувствуя, как дрожат ее руки и все тело.

– Не бойся, мы тихо. Не надо так дрожать, аж полы скрипят... – шутливо ответил ей один из катаров.

Враги шагнули в темноту спальни, не ожидая засады.

– Сдавайтесь, уроды! – крикнул им один из агентов и нанес по голове первого, вошедшего в спальню мощный удар деревянной дубинкой.

Тело врага обмякло и повалилось на пол, задев что-то со шкафа. Катары бросились бежать, но наткнулись на остальную группу агентов, преградивших им отход. Но один из противников воспользовался заминкой, возникшей среди агентов из-за Катерины, которая растерялась от неожиданности и заметалась в проходе. Он толкнул вдову на трех агентов и крикнул своим товарищам:

– Засада! Уходим!..

Он бросился бежать, расталкивая на ходу врагов, а за ним устремился еще один катар, пытаясь выскользнуть из ловушки. Но ему не удалось сделать даже трех шагов, как его сразил точный удар кинжала, пришедшийся прямо в сонную артерию. Катар захрипел и, обливая всех фонтаном брызжащей из пробитой артерии крови, завалился на пол, преграждая путь агентам. Третьего катара они повалили на пол и быстро скрутили, связав ему руки ремнем. Но тот, кто толкнул вдову, все-таки смог выбежать из дома и скрыться за углом здания, растворяясь в непроглядной темноте ночи. Агенты выскочили за ним, но он уже исчез.

– Дура... – зло плюнул на пол один из агентов, относя свои слова к перепуганной насмерть вдове. – Своими метаниями ты испортила прекрасную «обедню» ...

– Оставь ее в покое, нам удалось схватить двоих... – попытался успокоить его товарищ. Он наклонился над телом третьего катара и, отдернув руку, произнес. – А этот готов. Жан уложил его точным ударом в шею. Залил, собака, кровью весь пол. Ноги разъезжаются, до чего сколько...

– Зато два других, слава Богу, лежат смиренненько... – Раздался из спальни голос одного из их товарищей. – Пьер так ловко врезал первому дубинкой между глаз, что его даже вязать не пришлось! Смотри-ка, он зашевелился! Эй, сердешный, все! Попался...

Послышалась небольшая возня, сопение и на пороге спальни возникло лицо Пьера, улыбавшегося во весь рот:

– Связали его, чтобы не трепыхался!

Жан, так звали главного в этой группе агентов, повернулся к Катерине, сидевшей на стуле, словно каменная статуя, и, тряхнув ее за плечи, произнес:

– Сиди пока дома и носа не высывай! С тобой останутся трое наших ребят, так, на всякий случай. Поняла?..

Она подняла голову и утвердительно покачала головой. Жан усмехнулся и сказал:

– Видишь, как все просто получилось. А ты, глупая, боялась. Прибери пока в доме, полы, что ли, помой, а то грязно здесь от крови... – Он приказал агентам. – Так! Пьер, Оливье и Рауль, вы останетесь здесь и покараулите нашу милую вдовушку. Еврея можете гнать в шею. Он нам больше не понадобится. Пусть проваливается к своей еврейской семейке и забудет впредь соблазнять христианских вдов или, не приведи Господь, невинных девиц. Нам пора в цитадель. Скоро утро – у нас будет много дел...

Они подняли связанных катаров и вывели их на улицу, предварительно вставив для верности кляпы в рот, чтобы не кричали. Катерина зажгла факел и стала разжигать огонь в камине, подкладывая на тлеющие угли свежие дрова. Она наклонилась и стала махать плоской дощечкой, направляя воздух на угли. Дрова разгорелись и занялись веселым огнем, потрескивая и стреляя небольшими искорками. Комнат осветилась, открывая взору жуткую картину погрома и скоротечного боя. Мебель повалена, посуда разбита, боковой шкаф лежал на полу, а под ногами хрустели осколки разбитой посуды, залитой темнеющей лужей крови, набежавшей из тела убитого катара.

– Сейчас мы уберем его... – агенты подхватили труп убитого и поволокли его к выходу, оставляя за собой жирный след крови, тянувшийся за телом.

Они выбросили его на свалку, расположенную рядом, и вернулись в дом, закрыв за собой дверь на засов.

– Я пока приберусь... – машинально произнесла Катерина, выходя из кухни с тряпкой и ведром воды. – Можете пройти на кухню, сеньоры. Там чисто и есть что перекусить...

– Благодарствуем... – ответили агенты и спокойно, словно и не было захвата и пролитой крови, направились на кухню.

«Боже мой, – прошептала она, наклонившись с мокрой тряпкой над огромной луже крови, – влипла я, словно пчела в смолу...»

Из кухни послышался смех и веселые разговоры агентов, резавших хлеб и разливавших вино.

Авраам вышел из спальни на шатающихся ногах. Вид его был жалкий и подавленный, ноги и руки дрожали, он не мог вымолвить ни единого слова. Груз пережитых событий так поразил его, что несчастный еле передвигался, держась рукой за дверной косяк. Он каким-то пустым и отрешенным взглядом окинул дом, вздрогнул, увидев огромную лужу крови, и побрел к выходу из дома, стараясь не наступать ногами на длинный кровавый след, тянувшийся до самых входных дверей. На пороге он обернулся, тоскливо и обреченно посмотрел на Катерину, его губы задрожали, пытаясь произнести что-то, но кроме всхлипывания и громкого прерывистого дыхания несчастный так и не смог ничего сказать. Он опустил голову и вышел на улицу, закрыв за собой дверь.

«Всю жизнь так... – грустно покачала головой Катерина, оторвавшись на мгновение от уборки кровавой лужи, – нагадят и уходят, словно побитые собаки. Пользуются, а чтобы на прощание сказать хотя бы пару теплых слов...»

Она подоткнула подол платья и стала собирать кровь, периодически полоская и отжимая тряпку в ведре. Она несколько раз меняла воду, но кровь не уменьшалась, словно изливалась из какой-то невидимой емкости. Катерина села на стул и тихо заплакала, этот плач походил на тихий вой, наполненный безысходностью и обреченностью, одиночеством и опустошением, словно ее несчастная и запутавшаяся душа пыталась вырваться наружу из тесных вериг тела, словно пыталась увидеть свет, и открыто заявить о чем-то своем, наболевшем и вымученном.

Только под самое утро она закончила свою жуткую уборку, и обессиленная упала на пороге спальни.

Каркассон. Цитадель. 29 августа 1221 года.

Сенешаль спустился во двор цитадели, куда уже притащили двух пленных катаров. Он посмотрел на их серые лица. Было видно, что они все еще находились в шоке из-за неожиданной засады и пленения. Рыцари толкнули пленников, повалив их на землю возле ног сенешаля.

– Ну, голуби мои сизокрылые, – и де Леви сурово посмотрел на них, – или мы рассказываем, как на духу, или...

Он повернулся, махая палачу рукой. Из-за кузницы вышел здоровенный широкоплечий палач, лицо которого закрывал красный капюшон с вырезами для глаз. Сенешаль перехватил их испуганный взгляд, повернулся к пленникам и произнес:

– Мой вам совет – не надо играть в героев...

Палач подошел к сенешалю и поклонился. Ги де Леви посмотрел на них, пожал плечами и, обращаясь к палачу, виноватым голосом сказал:

– Твоя, значит, работа, мой дорогой Жан-палач. Не хотят он по-человечески, ой, не хотят...

– Мы их тихонечко, ваша милость... – палач приказал своим подручным поднять пленников и оттащить в подвал башни. – Мы с ними, как с сахарными будем обращаться...

– Обращайся, как душе будет угодно, – через плечо бросил сенешаль, – только, чтобы через три часа у меня на столе была подробная бумага допроса...

– Так ведь, ваша милость, мы неграмотные, прикажите нам двух монахов, что ли, выдать... – развел руками палач. – Пусть они, Божьи слуги, и записывают всю галиматью, что будут орать наши соколики...

Он нежно погладил пленников по головам. Один из катаров задрожал всем телом и обмяк, потеряв сознание от ужаса, которому его в скором времени подвергнут. Второй же пленник, коренастый и волевой, судя по чертам его лица и большому подбородку, что-то промышчал сквозь кляп, окидывая уничтожающим взглядом своих мучителей.

Сенешаль что-то шепнул одному из оруженосцев, который тут же убежал и вскорости возвратился с двумя монахами, нашими старыми знакомыми. Они подошли и смиренно поклонились сенешалю.

– Святые отцы, – Ги де Леви нервно барабанил пальцами по рукояти кинжала, висевшего у него на поясе, – проведите-ка запись допроса, коему сейчас наш Жан-палач подвергнет этих двух славных голубков.

Монахи молча поклонились и, когда они проходили мимо сенешаля, тот успел тихо шепнуть одному из них:

– Все вопросы о главе шпионов...

– Понятное дело... – ответил один из монахов и успел шепнуть в ответ, – можете вскользь сказать ей, что сегодня прибывают ее старые слуги, что, мол, нашли их с большим трудом, желая порадовать ее и скрасить несчастной одиночество...

– Клянусь спасением души, я так и сделаю... – ответил с еле заметной улыбкой сенешаль.

Пленных утащили в подвал башни, где Жан-палач соорудил свою комнату пыток, монахи, понуро опустив головы, проследовали за ними, спустились по ступенькам к основанию башни и закрыли за собой низенькую и массивную дверь, окованную железом.

Сенешаль увидел своего сына, который о чем-то переговаривался с агентами, взявшими в плен двух катарских шпионов. Он направился к ним.

– Это же надо, – рассказывал Жан, – они чувствуют себя в Каркассоне, как у себя дома! Спокойно так расхаживают...

– Поздравляю, сеньоры, отличный улов! – Сенешаль громко приветствовал агентов. – Клянусь Спасителем, вы просто молодцы!..

Они поклонились Ги де Леви. Он жестом приказал своему сыну пойти за ним.

– Тебе, мой дорогой, я поручаю самый ответственный участок нашей операции...

– Слушаю вас, отец. – Ги-младший открыто посмотрел в глаза отцу. – Приказывайте...

– Найди Флоранс и, как бы случайно обмолвись, что сегодня или завтра должна приехать одна старая монахиня, которая воспитывала ее в детстве. Можешь добавить, что сенешаль решил сгладить ее одиночество, разыскав близкого ей человека...

– Это правда, отец? – Удивился молодой рыцарь.

– Что именно?..

– Ну, что приедет монахиня...

Сенешаль огляделся по сторонам, положил руку ему на плечо и произнес:

– Это правда. Как и то что, она, судя по всему, и есть тот самый главарь шпионов...

Ги-младший стоял, потрясенный услышанными словами и хлопал глазами, не находя слов. Отец прижал его к себе, прошептав на ухо:

– Судьба еще не раз преподнесет такой, вот, сюрприз. И поверь мне, Ги, дай Бог, чтобы эти сюрпризы были менее жуткими, чем сегодняшней...

– Я все исполню, отец... – глухим голосом ответил молодой французский рыцарь.

– Ступай с Богом... – сенешаль перекрестил его. – Только, прошу тебя, будь осторожен.

– С ней? – Удивился сын. – Её то, чего бояться. Она ведь девушка...

– Порой, сын, женщин надо бояться куда больше, чем мужчин... – грустно ответил отец. – Кстати, а где она сейчас? Что-то я ее не видел и не слышал с утра...

– Найдем, куда она денется... – ответил Ги-младший. – Я пойду, пожалуй,...

Сенешаль молча кивнул ему, повернулся и пошел к башне, где, судя по громким воплям, Жан-палач уже приступил к допросу пленных катаров. Он распахнул низенькую дверь и заглянул в комнату пыток. Жан приготовился обстоятельно. Камин жарко пылал, озаряя маленькую круглую комнату каким-то особенным, зловещим кроваво-красным отблеском. Пленные лежали на козлах грудью вверх, их руки и ноги были крепко привязаны к крестовинам досок, делая любое движение болезненным. Жан держал в реках раскаленные прутья, которыми по очереди прикасался к телам пленников, подвергая их жутким пыткам болью.

– Ваша милость! – Жан увидел сенешаля, поклонился и отложил прутья на каминную решетку. Кончики стальных прутьев стали накаляться, разгораясь ослепительным золотисто-красным цветом раскаленного металла. – Заговорили, горемыки наши...

Сенешаль кивком головы приказал одному монаху выйти из комнаты пыток на свежий воздух. Запах горелой плоти сильно ударял по носу сенешаля, вызывая у него приступы рвоты.

Монах проворно схватил лист пергамента и выбежал вслед за сенешалем из комнаты.

– Что-нибудь интересное? Или так, бред... – спросил его сенешаль.

– Есть и интересное, сеньор де Леви. – Ответил монах. – Катары приготовили засаду для нашего отряда, ушедшего в Фанжо на подкрепление...

– Где и когда? – Воскликнул сенешаль. – Он сказал?..

– Сказал... – монах опустил голову. – Но, боюсь, что мы не сможем им уже помочь...

– Не может быть... – глухо простонал Ги де Леви. – Я прикажу тотчас отправить всю легкую конницу за ними вдогонку!..

– Ваша воля, сеньор сенешаль, – монах поднял на него свое грустное и бледное лицо, – только, боюсь, что они смогут их лишь похоронить по-христиански...

Ги де Леви схватил его за плечи и начал трясти:

– С чего ты это взял? С чего?..

– Ваша милость, катары собрали более трех сотен человек, оголив свои замки и гарнизоны южнее Каркассона!

Сенешаль оттолкнул его от себя и побежал к конюшням, выкрикивая на ходу:

– Сбор! Тревога! Всей кавалерии собраться во дворе! Тревога!!..

Монах украдкой вытер слезу, в его суровом сердце воина всегда было и оставалось место уважению храбрости воинов и искренности человеческих порывов. То, что сейчас делал сенешаль, и было настоящим человеческим порывом, надеждой к спасению своих товарищей, попавших в беду. И хотя, монах прекрасно понимал, что всадники не успеют и не смогут помочь своим товарищам, желание сенешаля было благородным, чистым и искренним. Он спешил отправить своих людей хотя бы для того, чтобы успеть по-человечески и христиански похоронить тела героев, павших в неравном бою, успеть предать их земле, пока ненасытные черви и наглое воронье не начали свое омерзительное пиршество.

Рыцари, оруженосцы и конюхи выбегали из казарм и начинали трюить во внутреннем дворе цитадели, на ходу завязывая ремешки на гамбезонах и одежде. Одними из первых выбежали Бушар и Жильбер. Они подошли к сенешалю и, увидев его бледное лицо с дрожащими от волнения губами, поняли, что случилось что-то ужасное и непоправимое.

Они не сказали ни слова сенешалю, а кинулись подгонять воинов, громко раздавая команды на построение:

– Живее! Ротозеи! Живее, так и Пасху проспите! Становись! Строй равняйте!!!

Ги де Леви вышел на середину строя и высоко поднял руку, приказывая всем воинам умолкнуть и слушать его. Наступило гнетущее молчание, которое прорезал голос сенешаля:

– Сеньоры! Случилась беда! Наш отряд, отправленный в аббатство Фанжо, должен попасть в засаду! Рыцарям остаться, а всем оруженосцам и конюхам в гамбезонах, но без кольчуг, спешно выехать к ним на выручку! Лошадей не жалеть, но и не рвать! Идти средним тем-

пом! Каждому взять с собой по одной запасной лошади! Арбалеты взять всем! С Богом, мои воины! Спешите, время не ждет!!..

Воины спешно кинулись в конюшни готовить лошадей, даже рыцари в эту минуту стали помогать своим оруженосцам и конюхам, время играло против крестоносцев, а медлить было нельзя.

Бушар и Жильбер подошли к Ги де Леви, наперебой предлагая возглавить отряд. Сенешаль положил им руки на плечи и, посмотрев в глаза, ответил:

– Жильбер, друг мой, к несчастью, ты мне нужен в Каркассоне. – Он повернул голову к Бушару де Марлю. – Ступай, верный и храбрый де Марли! Ты возглавишь отряд. И, вот еще что – возьми-ка с собой двадцать арбалетчиков из гарнизона. Ты оставишь их в аббатстве. Гони, что есть сил, делай, что хочешь, только успевай! А мы будем молить Господа, чтобы он придал силы крестоносцам...

Бушар коротко кивнул, по очереди обнял де Клэра и де Леви, махнул рукой оруженосцу, приказывая тому нести кожаный гамбезон, шлем, щит и мечи, подмигнул рыцарям и произнес:

– Постараюсь успеть. А если, не приведи Боже, я опоздаю! – Он гневно закатил глаза. – Тогда! Мне просто жаль всех живущих на расстоянии десяти лье от места засады!!..

Ги молча покачал головой. Бушар резко развернулся и направился к конюшням, откуда слуги уже выводили его гнедого иноходца.

– Я возьму белого испанца! Ведите его и сразу же седлайте! Гнедой пойдет запасным!.. – крикнул он слугам.

Не прошло и часа, как отряд уже был в седлах и готов выступить в направлении аббатства. Все всадники были в легких гамбезонах, которые не стесняли движений, но служили лишь слабой защитой. Каждый всадник взял с собой щит, копье, шлем, меч, арбалет с полным запасом болтов и трехсуточный запас воды и по одному мешку овса для кормления лошадей.

– С Богом! Неситесь, как ветер, и да храни вас всех Господь!!.. – Сенешаль крикнул всадникам, выстроившимся во внутреннем дворе цитадели. – Открыть ворота! Кавалерия, вперед!!..

– За Крест и Францию!! – Крикнул Бушар де Марли, поддав шпорами своего белого испанского жеребца. – Вперед, мои орлы!!..

Колонна выскочила из ворот цитадели и, пугая горожан, торговцев и зевак, с криками понеслась по узким извилистым улочкам нижнего города к Тулузским воротам. Сенешаль поднялся на площадку надвратной башни и, опершись руками о теплые каменные плиты зубцов, стал смотреть, как колонна миновала нижний город, выехала из ворот и устремилась на юго-запад, подняв тучу пыли и постепенно исчезая за грядой холмов, начинавшихся в полу-лье от крепостных стен Каркассона. Нещадное летнее солнце нагревало верхушку башни, делая нахождение на ней, вне небольшого караульного навеса, просто невыносимой пыткой. Тем не менее, сенешаль простоял на ней больше часа, неотрывно следя за узкой полоской пыли, постепенно исчезающей за горизонтом. Его губы что-то беззвучно шептали, он молил Господа, веря всей душой, что, возможно, кому-нибудь из крестоносцев все-таки удастся спастись.

Ги-младший, все еще сомневаясь в словах своего отца, сказанных им о несчастной, как казалось сыну, сироте Флоранс, шел по улице нижнего города в направлении большой церкви. Мысли его смешались, он с трудом переваривал страшную действительность, пытаясь найти хотя бы какую-нибудь маленькую зацепку в оправдание Флоранс, к которой успел привязаться за короткое время их постоянного общения. Ему казалось, что отец, все-таки, ошибается. Ну, не может такая красивая девушка с чистыми, огромными и искрящимися глазами быть тем хладнокровным и подлым шпионом, который обрек на смерть предыдущего сенешала Каркассона, выводивал тайна передвижения войск и, наконец, заманил в ловушку и обрек на верную смерть отряд итальянцев, ушедший в аббатство! Ги вышел на площадь и только сейчас обна-

ружил, что размышления завели его к собору. Он перекрестился и уже вошел в большие двери церкви, когда краем глаза увидел знакомый силуэт девушки. Ги развернулся и побежал за ней.

Несмотря на жару, незнакомка была в легком длинном плаще, капюшон был накинут на ее голову, почти скрывая лицо девушки. Он догнал ее и, положив руку на плечо, и воскликнул:

– Флоранс? Это вы, простите за бестактность...

Девушка резко обернулась. Ги увидел ее бледное лицо, дрожащие губы, промелькнувшие из-под капюшона. Флоранс вскрикнула и побежала от него, пытаясь скрыться среди толпы горожан в узких улочках нижнего города. Рыцарь быстро догнал ее и, развернув к себе лицом, спросил, сбрасывая с лица девушки капюшон:

– Чего ты испугалась? Это же я...

– Ты пришел за мной?.. – каким-то мертвым голосом спросила она. – Ты наслушался непонятно чего и решил...

– Нет! Что ты! Я еще ничего не решил... – растерялся рыцарь, поддаваясь видимой наивности девушки. – Я просто хотел тебе сказать, что сегодня или завтра в Каркассон приедет одна монахиня, ты должна ее помнить. Она была твоей воспитательницей в детстве...

Флоранс побледнела, но собралась с силами и, успокоившись, произнесла:

– Господи, счастье-то, какое...

Рыцарь обрадовался, он подумал, что его отец, все-таки, ошибся, считая ее главарем шпионов. Он представил, как расскажет отцу о ее реакции на известие, попытается передать словами все эмоции и чувства, которые он испытывает к несчастной сироте. В конце концов, он признается отцу, что давно любит ее и попросит соизволения жениться на ней, благо, что земель у семьи предостаточно, а род де Леви не беден. Пусть кто-то другой женится на дочери графа де Фуа! Пусть! Лишь бы он и Флоранс были счастливы...

– Я была в церкви. – Ответила девушка. – Молилась Господу...

– Пойдем в замок, Флоранс, – сказал рыцарь, беря ее за нежную руку, оказавшуюся до странности холодной, – мы придем к отцу и упадем ему в ноги. Я стану молить его о снисхождении к нам и благословении нашего брака!..

Рыцарю показалось, что девушка улыбнулась. Он не смог разглядеть улыбку, более похожую на оскал смерти или улыбку змеи. В эти минуты ему казалось, что счастливее него никого нет на всем белом свете.

– Ты так полагаешь? – Тихо спросила она, пряча лицо под капюшоном. – Ты хочешь жениться на мне? На сироте?..

– Да, милая моя... – он повернулся к ней спиной и, взяв ее за руку, повел к цитадели. – Мы сейчас идем к моему отцу.

Флоранс тихо высвободила вторую руку, в которой страшным и холодным блеском сверкнуло тонкое и длинное лезвие кинжала, и быстрым, но верным и точным движением всадила его в бок юноши.

– А-а-а... – застонал Ги и привалился к стене дома. Его глаза наполнялись каким-то туманом, тело становилось ватным и слабело с каждым ударом его крепкого молодого сердца. Он сел на землю и, теряя сознание, увидел, как Флоранс, или как там ее звали на самом деле, быстро спрятала кинжал под плащом, склонилась над ним, сорвала перстень с пальца его руки и скрылась в людском потоке, идущем от базарной площади к Тулузским воротам крепости. Возле ворот уже скопилось много повозок и людей, желавших выехать из города после утренней ярмарки. Флоранс рассчитывала затеряться в толпе и выскользнуть из города. Он закрыл глаза и медленно погрузился в небытие, охватывающее его молодой организм своими тонкими, но крепкими путами...

Каркассон. Цитадель. Дом сенешаля. Спустя час.

– Мессир! Мессир! Ваш сын ранен! – Слуга распахнул дверь комнаты сенешаля и упал на колени, обливаясь слезами. – Только что его принесли наши люди! Он лежал возле стены одного из домов, что в нижнем городе...

Ги де Леви вскочил с кресла, отбросил пергамент с текстом допроса пленных катаров и выбежал в коридор, по которому слуги осторожно несли тело его сына, потерявшего сознание и много крови. Он подбежал к ним и, обняв руками, бледное лицо Ги-младшего, стал трясти его, пытаясь привести в сознание:

– Сын! Ги! Родной мой! Очнись! Ради всего святого! Открой глаза!..

Один из рыцарей осторожно отнял его руки от лица бесчувственного сына и сказал:

– Сеньор, мы уже послали за докторами! Наши люди обегали уже всех в городе, даже евреи пришлют своего целителя, лишь бы ваш сын и наследник остался в живых...

Сенешаль закрыл лицо руками и застонал, проклиная себя за то, что взял сына в этот жуткий и страшный Каркассон, в эти Богом проклятые земли Юга Франции.

– Ваша милость, будем молиться, чтобы он спасся... – прошептал рыцарь, пытаясь поддержать сенешаля за плечи. – Слава Богу! Вот уже и первые лекари!..

Ги де Леви отнял руки от лица и увидел трех лекарей, одетых в еврейские одежды, подбежавших к его сыну и начавших осмотр тела и раны. Он о чем-то тихо переговаривался на своем родном языке, сокрушенно покачивая головами и цокая языками.

– Ну, инородцы, есть ли надежда? – спросил он у еврейских лекарей, с трудом сдерживая свой гнев, готовый выплеснуться на ни в чем неповинных докторов. – Отвечайте, как перед ребе в синагоге!..

Один из лекарей еще раз осторожно приоткрыл веко раненого сына, бегло осмотрел рану, пощупал что-то на запястье рыцаря и, подняв голову, ответил сенешалю, не пытаясь скрыть своего взгляда:

– Ваша милость! На все воля Господа, но, мы полагаем, что ваш сын останется жив...

Ги громко выдохнул воздух и сел на каменные плиты пола рядом с ним и телом сына.

– Если вы, горемыки безземельные, поставите на ноги моего сына и наследника, я, право, и не знаю размеров моей благодарности и щедрости...

– Молитесь Господу, сеньор крестоносец... – тихо ответил лекарь, опуская глаза и пряча свои немного дрожащие руки в длинных рукавах своих одежд. – Молитесь Господу, а мы используем весь наш опыт, все наши знания и умения, чтобы поправить здоровье вашего сына.

Сенешаль встал и пошел к выходу из дома, где встретил Жильбера де Клэр, спешившего к нему.

– Я уже знаю, Ги, – тихо сказал рыцарь, обнимая сенешаля за плечи, – крепись, все мы под Богом ходим...

– Я понимаю, Жильбер... – глухо ответил сенешаль подавленным голосом. – Только...

– Ничего, мой друг, ничего! С господом в душе, я надеюсь, он выкарабкается из лап смерти! Поверь мне, мой друг...

– Спасибо, де Клэр... – сенешаль поднял голову. Его взгляд стал снова твердым, волевым и решительным. – Где эта тварь?..

– Кто?.. – не понял вопроса де Клэр. – О ком ты изволишь?..

– Об этой суке Флоранс... – сквозь зубы произнес сенешаль. – Это она, я сердцем чую...

– Мне сказали, что ее нет в цитадели еще с утра... – пожал плечами Жильбер. – Сейчас я отправлю ребят, пусть они расспросят стражу у всех ворот нижнего города...

– Да-да, сделай милость... – отрешенно произнес сенешаль. – Только боюсь, что эта сука уже ускользнула...

– Да брось ты, Ги, куда они денется!..

– Нет, я уверен. Я сам послал сына на поиски Флоранс и не подумал о том, что эта тварь может так больно ужалить его...

Жильбер молча кивнул и побежал вниз по лестнице отдавать приказание перекрыть все ворота Каркассона. В это время в коридор выбежали служанки, обступившие тело раненого с громкими причитаниями и плачем. Среди них сенешаль услышал голос Марии, рыдавшей, пожалуй, искреннее всех. Он развернулся и подошел к ней.

– Милый мальчик! – Кричала сквозь слезы она, стоя на коленях возле Ги-младшего. – Очнись! Не надо умирать! Господи! Ты же еще такой молодой! Слышишь, скоро мама придет! У тебя скоро свадьба с красивой и богатой дочкой графа де Фуа! Очнись! Слышишь! Прекрати мучить себя и отца! Матерь Божья, спаси его, несчастного...

Сенешаль обнял ее, Голова мари упала к нему на грудь, орошая одежды горячими слезами, она вся мелко тряслась, дрожала, с трудом переводя сбившееся дыхание.

– Спасибо тебе, родная... – сенешаль попытался успокоить женщину. – Лекари сказали...

– Я убью их всех своими руками! Задуш, как слепых котят, если они не спасут мальчика!.. – заревела Мария, пытаясь вырваться из крепких объятий сенешаля. В эти мгновения она походила на дикую львицу и готова была буквально загрызть всех, кто мог попасться ей под горячую руку. – Я ведь говорила тебе! Ты не слушал! Это все эта проклятушая стерва Флоранс! Я точно уверена! Удуш! Глаза выдеру твари!..

– Не надо, милая, успокойся... – сенешаль стал ее успокаивать, он не отпускал от себя. – Мы ее найдем, клянусь спасением души, обязательно найдем...

– Я ей лично глаза вырву... – вдруг каким-то спокойным и жутким голосом произнесла Мария. – Вот этими самыми руками вырву...

Ги порядком испугался за состояние женщины:

– Перестань, Мария, тебя могут услышать...

– Пусть все слышат! Все! Я вырву ей глаза! Стерве этакой!..

Сенешаль взглядом позвал нескольких слуг, приказав им взять плачущую Марию и увести в комнату, для верности приставив к ней охрану...

Каркассон. Тулузские ворота. В это же время.

Флоранс стояла в толпе крестьян, прижавшись к одной из повозок, нагруженных пустыми бочками из-под вина, она старалась ни на кого не смотреть и гладила пегую кобылку, запряженную в повозку, чтобы скрыть волнение и дрожь, периодически охватывающих девушку.

Стражники, несмотря на толчею и давку, старательно и медленно, словно в замедленном сне, проверяли оттиски печатей на подорожных бумагах или на ладонях торговцев, не имевших бумаг. Флоранс рассчитывала проскользнуть мимо них, или, в крайнем случае, сослаться на какую-нибудь важную задачу, поставленную ей лично сенешалем, предъявив воинам перстень Ги-младшего. Вырезанные стропила родового герба рода де Леви, как она разумно полагала, должны поразить стражников и позволить ей выйти за крепостные стены.

Но, вдруг толпа торговцев, скучившаяся возле ворот, стала расступаться, пропуская трех всадников, криками и плетками разгонявших это скопление, чтобы пробиться к стражникам. Флоранс вздрогнула, ей показалось, что ее внезапная бледность будет заметна для окружающих, вжала голову в плечи и стала бочком продвигаться ближе к воротам, надеясь в суматохе исчезнуть.

– Пропустите! Прочь! Дурачь! – Всадники стегали по головам и спинам толпу, медленно и неуклонно приближаясь к воротам. Один из рыцарей – это был Жильбер де Клэр, привстал на стременах и крикнул, обращаясь к стражникам. – Олухи! Закрывайте ворота! Закрывайте ворота!..

Командир стражников, услышав голос мессира де Клэра, вскочил со стула и стал отдавать команды воинам, сопровождая их оплеухами и грязными ругательствами, достававши-

мися, в основном, торговцам и крестьянам. Стражники быстро расчистили пространство перед воротами, ловко орудуя копьями, и опустили решетку, преграждая выход из крепости.

– Всех проверять, ощупывать и разглядывать! – Приказал им Жильбер де Клэр. – Искать девушку, молодую!..

Флоранс стала незаметно пятиться спиной, стараясь протиснуться в бок от ворот в надежде незаметно скрыться среди узких улочек нижнего города, когда внезапно кто-то грубо и резко схватил ее за плащ и потащил к стражникам, выкрикивая на ходу:

– Ваша милость! Тут какая-то девка прижалась к моей кобылке! Может, она вам сгодится?!..

Флоранс инстинктивно высвободила руку с кинжалом и ударила в шею ретивого крестьянина, вызвав панику и крики ужаса среди толпы. Она попыталась убежать, но кто-то ловко подставил ей подножку, и она упала. Толпа навалилась на нее, стараясь прижать лицом к земле, пропитанной навозом и остатками мусора. Она, понимая, что спасения уже нет, и попыталась перерезать своим кинжалом вены на левой руке.

– Ваша милость! Эта чертовка себе вены вскрыла!.. – Крикнул дюжий крестьянин, выхватив кинжал из рук несчастной.

– Быстро перетяните ей ремнем руку! – Крикнул Жильбер, соскакивая с коня на землю.

Один из воинов, расстегивая на ходу ремешки щита, подбежал к ней, схватил перерезанную руку выше локтя и туго перетянул ее ремешком. Кровь быстро иссякла, превратившись из большого и ритмичного ручья в еле заметную струйку.

– Готово, ваша милость! – Весело крикнул воин и затянул ее руки за спиной крепкой удавкой. – Готова, паскудница! Можете забирать!..

– Лови кошель! Напейтесь сегодня за здоровье сына и наследника сенешаля де Леви! Эта сука хотела убить его! – Жильбер схватил Флоранс за шиворот ее платья и резко перекинул через луку седла своего коня, запрыгнул сам и крикнул. – Теперь можете открывать ворота!..

– Слушаюсь, мессир де Клэр! – Комендант поклонился и с довольным лицом подошел к воину, поймавшему на лету кошель, похлопал его по плечу и сказал. – Сеньор ужасно щедрый. Гляди, какой увесистый кошель он кинул тебе, Анри...

Стражник с гордым видом посмотрел на коменданта, прижал свое копье локтем, чтобы не упало, и развязал тесемки, стягивающие верх кошеля. Золото блеснуло на солнце, играя и переливаясь искристыми бликами на монетах.

– Истинный сеньор, каких свет не видывал! – Восхищенно произнес Анри, высыпая на свою большую мозолистую ладонь несколько золотых монет. – Теперь, Бог даст, и домишко смогу прикупить для своей Жанны, замучила стонами и причитаниями, что, мол, все не как у людей...

– Ага! Только если не пропьешь все это добро по дороге! – Засмеялись стражники, обступая своего товарища. – Ты уж убери, от греха, большую часть монет, не то, не приведи Господь, мы и в правду так напьемся, что не только твои денежки, святых позабудем!..

– Верное дело! – С серьезным выражением лица ответил Анри. Он умоляюще взглянул на своего командира. – Комендант Бертран, а комендант Бертран! Отпустите меня, Христа ради, до дома! Я, ей Богу, стрелой обернусь, только отнесу часть монет и отдам их Жанне. Неровен час, и правда пропьем, вот горе то будет...

– Беги, только быстрее... – усмехнулся Бертран, махая рукой. – Мы пока здесь подежурим, а ты, смотри, все деньги не отдай! Между прочим, сам кошель стоит не меньше полусотни ливров! Смотри, какая кожа, какое шитье золотом! Красотища, да и только! Эй, куда ты заспешил? А на что нам пить-то вечером?..

Анри засмеялся и отсчитал пять золотых монет, которые протянул коменданту:

– Ой, простите, совсем голову от радости потерял! Вот! Примите их, комендант Бертран, у вас они целее будут...

Бертран взял протянутые монеты и засунул их в свой кошель, висевший у него на поясе. Стражник прислонил копье к стене и побежал, весело подпрыгивая в воздухе, к домику своей ненаглядной Жанны, что-то напевая про себя. Солнце, словно сжалилось над счастливецом, и в угоду ему прикрылось небольшой тучкой, снимая летний зной, накаливший воздух, камни и всю округу.

Жильбер де Клэр почувствовал, как девушка пришла в сознание и стала трепыхаться, пытаясь освободиться от пут. Он несильно ударил ее кулаком по затылку и медленно, сдерживая злость, произнес:

– Лежите смирно, сеньорита Флоранс, или, как там вас зовут на самом деле. Видит Бог, как мне трудно сдерживать злобу...

Девушка обмякла, смирившись со своей ужасной участью. Рыцарь быстро въехал в цитадель, миновал ворота и остановил своего коня возле башни, которую палач облюбовал для себя в качестве комнаты допросов и пыток. Подбежали оруженосцы и слуги. Жильбер спрыгнул с коня и кивком головы указал им на связанную девушку:

– Снимите ее и позовите лекаря! Он должен привести ее в порядок... – Слуги стащили несчастную и повалили на грязные каменные плиты внутреннего двора. Рыцарь толкнул ее ногой, проверяя, все ли с ней в порядке. Флоранс зашевелилась, села и исподлобья посмотрела на него. Жильбер криво усмехнулся. – Вот и, слава Богу! Ты пришла в себя. Сейчас тобой займются наши лекари, а потом (он грустно вздохнул) молись своему богу...

Рукав и часть платья девушки были одним сплошным бурым пятном из-за крови, сочившейся сквозь перетянутую рану. Рыцарь увидел ее бледное лицо, черные круги под глазами, грустно вздохнул и нетерпеливо крикнул, обращаясь к слугам:

– Ну! И где этот ваш чудо-лекарь? Если она сдохнет, я с вас семь шкур спущу!..

Но, долго ему не пришлось переживать – оруженосцы буквально приволокли лекаря, который склонился над телом Флоранс, успевшей к этому времени впасть в бессознательное состояние из-за большой потери крови. Жильбер молча посмотрел на него и развернулся на шум громких голосов, раздавшихся возле казарм.

Он увидел сенешаля, который о чем-то громко и оживленно разговаривал с каким-то незнакомцем. Жильбер поспешил к нему, чтобы разузнать причину столь громкого и оживленного разговора.

– А, мой друг, – сенешаль прервал разговор и повернулся к подошедшему англичанину. – Как ваши успехи?..

– Как и обещал, я поймал ее, чертовку! – Улыбнулся в ответ рыцарь, показывая рукой в дальний угол двора, где группа воинов и лекарь пытались привести Флоранс в чувство. – Она, скотина такая, все-таки умудрилась вскрыть себе вены на руке...

– Потом! Все потом... – Ги де Леви отмахнулся от шпионки. – Тут у нас, мой верный мессир де Клэр, совершенно иной коленкор получается!..

И он вкратце пересказал суть разговора с незнакомцем.

– Я уже бегу собирать рыцарей... – понял его мысль Жильбер. – У нас, в цитадели, сейчас есть восемьдесят рыцарей, который мы сможем без ущерба для охраны взять для атаки на дом старшины города!

– Именно так мы и поступим! – Сенешаль взял боевой рог, протянутый ему один из оруженосцев, и громко протрубил три раза. – Заодно и поглядим, как наши brave воики реагируют на сигнал тревоги...

Рыцари довольно-таки быстро выбежали из казарм, захватив с собой все вооружение, за исключением кольчуг. Сенешаль бегло осмотрел их и остался доволен внешним видом и скоростью сбора воинов.

– Мессир де Клэр, – произнес он, обращаясь к англичанину, – прошу вас немедленно принять командование над оставшимися воинами гарнизона, а я с сими благородными сеньорами

направляюсь к дому городского старшины. Захватчу, пожалуй, я с собой всех оставшихся арбалетчиков...

– С превеликим удовольствием, сеньор сенешаль... – улыбаясь, поклонился рыцарь. Он повернул голову к строю воинов, и громко крикнул. – Мессире! Для вас есть небольшая работенка в нижнем городе! Катары, судя по всему, собираются в доме городского старшины! Вы, с Божьей помощью, навестите их, треклятых, и малость поговорите по душам!..

Рыцари засмеялись в ответ, но хмурое и серьезное выражение лица сенешаля мигом прекратило у них желание зубоскалить. Рыцари побежали к конюшням выводить лошадей, ведь буквально утром всех оруженосцев и конюхов увел с собой мессир де Марли.

ГЛАВА II.

Гекатомба Бушара де Марли.

Дорога на аббатство Фанжо. 1 сентября 1221 года.

Отряд, ведомый Бушаром де Марли, не жалея коней мчался вдогонку за ушедшими итальянскими крестоносцами все еще надеясь перехватить их и не допустить жуткой бойни, о которой поведали во время допроса пленные катарские шпионы.

За сутки отряд проходил по десять-двенадцать лье. Лошади и люди спешили буквально из последних сил, не жалея себя и мало заботясь о предосторожностях во время следования по вражеской территории. Правда, во время ночных привалов, устраиваемых мессиром де Марли для своих измотанных воинов, опытный крестоносец выставлял усиленную охрану, не раз повторяя вслух слова великого Вегеция: «Опытный командир заботится, прежде всего, о спокойном и безопасном ночном отдыхе для своих воинов...»

И вот, едва робкие солнечные лучи озарили верхушки деревьев и окрасили кроваво-желтыми отблесками щиты и шлемы воинов, лежавших на траве возле их спящих тел, последняя ночная стража обнаружила в кустах непонятное движение. Молодой оруженосец одного из рыцарей отряда мессира де Клэр тихонько позвал трех товарищей и, на свой страх и риск, скрываясь за низкими кустарниками боярышника и лещины, в изобилии росших в этих местах, настигнул незнакомца. Воины быстро скрутили его, засунули кляп в рот и притащили к небольшому навесу, сделанному из походного плаща де Марли, под которым спал их предводитель, подложив под голову седло запасной лошади. Боевой декстриер мирно спал возле своего хозяина, изредка переступая копытами во сне.

– Мессир де Марли, – оруженосец осторожно толкнул рыцаря. Когда Бушар открыл глаза и спросонья посмотрел на воина, тот произнес. – Мы тут поймали одного...

Бушар резко поднялся, протер руками заспанные глаза, зевнул и потянулся, хрустя суставами и разминая затекшее от неудобной позы тело:

– Ну, так тащите его сюда, раз разбудили...

– Ваша милость, – робко ответил воин, показывая на спеленатое тело незнакомца, – вот он, горемычный...

Бушар склонился над ним, присмотрелся и произнес:

– Выньте кляп...

Воины вытащили кляп изо рта пленника. Тот приподнял голову и радостно взмолился, увидев знакомый герб:

– О, мадонна! Слава Господу! Я, наконец-то, дошел...

– Господи! Царица Небесная! – Вскрикнул де Марли. – Это же воин из итальянского отряда! Развязывайте его, болваны! Дайте парню вина, и пожевать чего-нибудь! Он, сердешный, еле держится от усталости...

Стражники быстро развязали итальянца и принесли ему вина в бутылке и большой кусок холодной говядины. Итальянец жадными и большими глотками, словно из опасения, что у него все это могут отнять, выпил половину бутылки и впился зубами в кусок мяса.

– Изголодался, горемыка... – сочувственно произнес один из воинов.

Бушар сел рядом с итальянцем и, выждав момент, когда он немного утолит свой голод, спросил:

– Говори...

Андриано, это был он, опустил голову и тихо затрясся всем телом, издавая еле слышные рыдания. Бушар погладил его по голове и повторил свой вопрос, добавив:

– Когда и где?..

– Мы не дошли до аббатства всего лишь пару лье, когда они атаковали обоз... – срывающимся на плач голосом ответил молодой крестоносец.

Бушар поднял голову и произнес, обращаясь к своим воинам:

– Лагерью подъем. Седлать коней, легкий завтрак и вперед...

Андриано, тем временем, продолжал:

– Своим залпом они сразу же накрыли хвост обоза. Командоре Гвидо приказал нам отрываться к поляне, где мы смогли выстроить оставшиеся повозки в круг и отразить несколько атак. Он выбрал меня...

– Успокойся... – Бушар прижал его голову к своей мощной груди. – Не надо скрывать слез! Это слезы воина, оплакивающего героическую смерть своих товарищей. Никто, поверь мне, никто не посмотрит тебе вслед и не скажет: «Смотрите, вот идет трус, который бросил своих друзей...» Ты понял меня?

Бушар крепко сжал его голову и посмотрел Андриано в глаза. Тот, плача, кивнул.

– Мы пели песню легионеров... – тихо произнес он. – Я несея по лесу и слышал, как она затихает...

– Красивая смерть. – Грустно ответил де Марли и украдкой вытер слезинку, набежавшую в уголке глаза. Рыцарь становился ужасно сентиментальным, когда слышал о чьей-то красивой смерти. Он в тайне завидовал им, опасаясь, что смерть может обделить его такой роскошью, позволив умереть в мире, а не с мечом в руке и именем Господа на устах. – Истинные легионеры...

Он похлопал итальянца по плечу и приказал доедать и допивать все, что принесли тому воины.

– Ты мне еще понадобишься... – мрачно добавил он, – ешь, для мести нужны силы...

Через час отряд был в седле, ожидая команды Бушара де Марли к началу марша. Рыцарь молча сел в седло, подтянул подпругу седла, методично проверил крепление вооружения и, повернув голову к воинам, крикнул:

– Вперед! Что есть силы! Вперед!..

Отряд сорвался с места и на ходу выстроился в колонну по четыре всадника, разместив арбалетчиков в средних рядах, тогда как крайние ряды колонны выставили свои щиты наружу, создавая защиту на случай внезапного обстрела из арбалетов. Они быстро перешли на галоп, хотя прекрасно понимали, что уже опоздали и ничем, кроме христианского погребения, не смогут помочь своим погибшим товарищам.

К полудню передовая группа заметила большую тучу кружащегося вдалеке воронья.

– Я уже понял... – Бушар не дал воинам доложить. – Как же эти твари чувствуют смерть!..

Он пришпорил коня, вырываясь вперед колонны. Лесная дорога сделала несколько поворотов и внезапно, словно пугливая женщина, которую застигнул врасплох неожиданно возвратившийся супруг, открыла жуткое поле боя. Бушар остановил коня возле нескольких повозок, буквально изрешеченных арбалетными болтами. Убитые лошади и мулы лежали возле повозок. Они были впряжены в повозки – смерть настигла их прямо на марше. Тела крестоносцев,

с которых враги содрали практически все вооружение и амуницию, лежали распухшие возле повозок, издавая тошнотворный запах гниения. Смерть, нисколько не уважая их героизм, мало заботилась о приятности и красоте. Смерть забрала души храбрецов, оставив их тела разложению и земле. Это не ее забота...

Бушар прикрыл ладонью нос, но запах был настолько сильным, что он плюнул на землю, повернул голову к своим воинам и крикнул:

– Смотрите! Смотрите и запоминайте! Они полегли, как герои! А их обобрали эти поганые мародеры! Стыд и позор!..

Отряд спешился, воины замотали лица тряпками, смоченными в винном уксусе, который немного заглушал мерзкий запах разложения, тянувшийся от тел павших крестоносцев и застеливший этот участок дороги, и поляну ровным и плотным покрывалом.

Бушар молча пошел вперед по дороге, тянувшейся к небольшой поляне. У самого начала поляны он наткнулся на тела молодых итальянских рыцарей, их оруженосцев и слуг, своей смертью задержавших катаров и позволивших остальным крестоносцам перестроить повозки и выиграла несколько минут жизни для оставшихся товарищей, погибших на поляне.

Рыцарь подошел к кругу повозок и упал на колени. Он не мог больше сдерживать свои эмоции, горьким комком поступавшие к его горлу и душившие его. Бушар тихо и протяжно завывал. Так воеет медведь, склонившись над телами своих мертвых медвежат, убитых каким-то глупым и безжалостным разбойником. Итальянцы погибли красиво. Их тела, раздетые и разграбленные, лежали внутри круга повозок, сохраняя подобие концентрических кругов, наглядно показывая рыцарю весь сценарий боя. Строй за строем, падая, крестоносцы сражались, как львы. Их лица застыли в уверенных и храбрых гримасах, оскал мертвецов обнажал зубы в последнем рыке смелости, остекленевшие глаза, казалось, уверенно смотрели в небо, словно провожали свои отлетевшие души в рай.

– Всем копать могилы! Хоронить героев будем прямо здесь, на поляне! Позже, клянусь спасением души, мы поставим большой каменный крест в ознаменование славной гибели наших братьев! Пусть каждый путник, друг или враг, видит сей символ их бывшего величия!..

Он вынул свою большую секиру и стал рубить землю, стараясь копать могилу. Воины присоединялись к своему командиру, и к вечеру, когда на темнеющем небе стали проблескивать первые и робкие звезды, они вырыли большую братскую могилу, в которую стали осторожно складывать тела погибших. Распухшие тела расплзались, поэтому крестоносцы осторожно подсовывали под них полуразбитые павезы и волоком тащили к могиле.

Бушар молча стоял на коленях перед этой огромной братской могилой. Его огромный меч-бастард был воткнут в землю, становясь похожим на крест. Губы рыцаря тихо шептали слова молитвы, путавшейся в голове и выходившей какими-то нескладными, обрывистыми фразами, в которых, однако, чувствовалась искренность, скорбь и вера в то, что души храбрецов сейчас смотрят с небес на них, опоздавших, но поклявшихся отомстить, а сейчас хоронивших их...

– Мессир, мессир де Марли, – Голос воина доносился до головы де Марли, словно изда- лека, – Все тела собраны. Мы засыпаем могилу?..

– Что? – Бушар поднял голову и посмотрел на воина, говорившего с ним. – А-а. Да-да, конечно...

Он встал, выдернул меч из земли, аккуратно собрал ее в кожаный мешочек, повесил его на шею и пошел к своему коню...

Отряд собрался. Воины сели на коней. Бушар, нервно поддавая шпорами своего гнедого декстриера, который нетерпеливо перебирал копытами, вырывая комья травы, громко крикнул, обращаясь к воинам:

– Ребята! Враги победили наших товарищей! Это верно! Но, клянусь Богом, что они заплатили большую цену! Мы сейчас едем к ближайшей деревне, где наверняка найдем кого-нибудь из раненых врагов, оставленных там на излечение! Если они будут там – вы сожжем всю деревню дотла и отправим к их поганому богу жителей! Вперед!..

Колонна тронулась дальше по лесной дороге, двигаясь в темноте наугад. Через пару лье они увидели чернеющие в темноте силуэты деревенских домов. Серый дым, тянувшийся из высоких печных труб, длинными и узкими полосами поднимался к звездам, распуская свои хвосты возле облаков, слабо освещенных серебристым светом луны.

– Подходим тихо! Окружаем деревню и выгоняем всех жителей на центральную площадь, после чего прочесываем все дома... – приказал он воинам. – Арбалетчикам! Приготовиться к стрельбе!..

Отряд быстро окружил селение плотным кольцом. Бушар де Марли вынул боевой рог и громко протрубил, тревожа сон жителей. Всадники вломились в дома, выгоняя перепуганных жителей на площадку возле колодца. Испуганные жители падали на колени, с ужасом взирая на силуэты всадников, вооруженных копьями, мечами, секирами и факелами.

– Кто староста?.. – Грозно крикнул де Марли.

Из толпы крестьян поднялся тощий старик, одетый в длинную полотняную рубаху. Он низко поклонился и дрожащим от страха голосом произнес:

– Я, ваша милость...

Рыцарь медленно подъехал к нему. Старик дрожал всем своим тщедушным телом, но голову не поднимал. Бушар кончиком меча приподнял за подбородок лицо старосты и медленно, словно с трудом подбирая слова, спросил:

– Ты слышал о недавнем бое на лесной дороге?..

– Н-н-нет, высокородный дон... – заикаясь, соврал старик. – Ничего не слышали, ничего не ведаем...

– А вот мы сейчас проверим! – Гневно крикнул рыцарь и махнул рукой. Всадники стали проверять дома.

Вскоре они возвратились, таща около тридцати раненых мужчин. Бушар молча посмотрел на них, повернул голову к старосте и пристально взглянул тому в глаза. Староста затрясся, упал на колени, уткнулся лицом в землю и завопил, пытаясь вымолить пощаду:

– Сеньор! Сеньор! Не велите казнить! Нам привезли этих людей и приказали на время присмотреть за ними...

Бушар плюнул в него и приказал воинам:

– Всех раненых сгоняйте в самый большой дом! Всех!!!..

Крестьяне, словно стадо глупых баранов, в окружении воинов послушно поплелись к большому дому, принадлежавшему старосте. Они тащили раненых катаров, не подозревая о той страшной участи, на которую они облекли себя, дав приют врагам крестоносцев. Раненых с силой вталкивали в дом, воины заколачивали окна. Жители заволновались, почуяв неладное. Раздались крики и вопли женщин, плач детей.

– Откройте! Откройте, ради Бога! – вопили несчастные. – Нам трудно дышать!..

– Ничего! Скоро ваши муки закончатся! Огонь очистит ваши души и вознесет их на Судилище Господне! – Зло ответил им Бушар. Он повернул голову и, увидев Андриано, крикнул – Бери факел! Пришло время для мести...

Андриано, дрожа всем телом, крепко сжал в руке факел, обдавший его густым смолистым дымом, и подошел к дому, который уже заканчивали обкладывать соломой и поленьями крестоносцы.

Крестьяне с ужасом смотрели на открывающуюся перед ними картину казни. Некоторые из жителей, преимущественно женщины, завопили. Среди обреченных на страшную казнь находились их мужья, братья, сыновья. Староста попытался успокоить их, предчувствуя, что

крестоносцы могут и не ограничиться сожжением врагов. Но женщины, не обращая внимания на его увещевания, заголосили еще громче, жалостливее, в их многоголосье слышалась жуткая тоска и обреченность, перемешанная с покорностью воли более сильных и свирепых людей, некая животная скорбь.

Бушару надоело слушать это стенание, он подошел к старосте, схватил его за ворот полотняной рубахи и выволок из толпы жителей.

– Старик, ты мне уже надоел... – прорычал он и толкнул старосту к воинам, оцепившим дом. – Киньте его к приговоренным. Пусть горит вместе с ними...

Старик побледнел и обмяк. Он с мольбой и ужасом в глазах смотрел на воинов, схвативших его под руки и тащивших к дому, который вот-вот должен был превратиться в один грандиозный факел смерти.

Андриано стоял возле крестоносца, его руки побелели от усилия, с которым он вцепился в большой смолистый факел. Он посмотрел на мессира де Марли, ожидая приказа, тот молча кивнул ему головой. Андриано опустил факел. Огонь быстро охватил большую кучу соломы. Тонкие, словно языки хищных змей, стали вырываться из нее, охватывая угол дома. Пламя, как гигантский красный цветок, раскрывало свои жуткие лепестки, пожирая здание, охватывая его ненасытным пламенем, вздымало густые, жирные и черные клубы дыма к холодным ночным звездам, безучастно и равнодушно смотревшим на копошение людишек на грешной поверхности Земли.

– Стрелкам! Быть готовым к залпу по окнам и дверям! – Приказал Бушар воинам. – Господи, прими души этих несчастных, ибо не ведали они, что делали...

Крестоносец перекрестился, развернул своего коня и поехал прочь от объятых пламенем дома. Раздался оглушительный рев, он был полон ужаса, обреченности и, казалось, хватал за сердце каждого из воинов. Через мгновения кровля, охваченная пламенем, провалилась, давая крестьян и взметая в черноту звездного неба мириады искр. Рев, крики и плач стих, оставался только гул пламени, пожиравшего остатки здания и тела погибших, вся вина которых заключалась в сопротивлении новым властителям страны и верности катарской вере.

– Мессир, все кончено... – всадник поклонился, подъехав к де Марлю. – Какие буду приказания?..

– Простые, мой друг... – ответил хмурый Бушар. – Едем к следующему селению...

– Как прикажете, сеньор де Марли... – гулко ответил воин. Он вскинул голову, его глаза блеснули под светом луны. – Может быть, хватит?..

– Нет. Не хватит... – вздохнул Бушар. – Сожгите все дома в этом проклятом Богом селении. Пока всю округу не объедем, не хватит. Да и потом, тоже не хватит! Никогда! Слышишь? Никогда я не прощу им смерть наших друзей! Никогда!!!!..

Отряд только утром закончил свое кровавое жертвоприношение, крестоносцы сожгли еще три селения, в которых обнаружили раненых катарских воинов, вместе со старостами деревень. Это жуткая кровавая жатва измотала крестоносцев, их руки тряслись, а в головах воинов продолжали слышаться крики горящих заживо врагов.

– Идем на аббатство! Пора нам и отдохнуть! – Приказал де Марли. – Вот, уже и солнце вошло...

Колонна медленно двинулась на аббатство. Если бы можно было стать птицей, взлететь в небо, тогда наверняка их путь можно было проследить по огромным дымам и кострищам селений, тянувшийся по направлению к аббатству.

Ближе к обеду крестоносцы приблизились к Фанжо. Бушар поднялся на вершину небольшого холмика, откуда открывался прекрасный вид на аббатство и окружающие его местности.

– Умиротворение и покой... – вздохнул он и перекрестился. – Господи, как же я устал от крови...

Он поддал шпорами коня, перевел его в галоп и поскакал к воротам аббатства, до которого было около трети лье. Воины поспешили за своим командиром, кони выбивали комья травы и поднимали облако пыли.

Англичане, находившиеся в Фанжо, насторожились, увидев тучу пыли, возникшую на северо-востоке. Он поспешили на маленькие стены Фанжо, но их тревога сменилась радостью, когда они опознали в приближающемся отряде крестоносцев, ведомых мессиром де Марли. Его большой стяг, на котором ярким огнем горел красный крест участника первого крестового похода, и огромные черные орлы по золотому полю, наполнили их сердца счастьем и радостью. Месяц напряженного ожидания атаки врагов, отражение небольших наскоков легкой катарской кавалерии держали их в постоянном напряжении.

Фанжо с радостным скрипом открыло свои крепкие дубовые ворота перед крестоносцами. Бушар сошел с коня и преклонил колена перед воротами, арка которых была украшена старинной мозаикой, изображавшей Божью Матерь с младенцем Иисусом на руках. Он упал в пыль, прижавшись к теплым камням, уложенным перед воротами. Крестоносцы преклонили колена, опустили головы, предавшись благочестивой молитве.

Аббат вышел из ворот и подошел к лежащему рыцарю, тихонько склонился к нему и коснулся своей старческой рукой его головы. Бушар приподнял голову и посмотрел на него. Глаза крестоносца были переполнены болью, скорбью и тоской.

– Мы приехали к вам, святой отец, – еле слышно прошептал он, – впустите ли вы в стены Божьего дома грешников, чьи руки и души тонут в крови?

– Покаяние, которое привело ваши измученные сердца и израненные души, служит пропуском в Храм Господень. Ведь, сын мой, только через покаяние душа грешника сможет обрести покой, прощение и ступить в Райские кущи. Встань и войди в Божий приют, мятущаяся душа...

Он встал, аббат взял его под руку и провел через ворота. Сердце рыцаря охватила волна умиротворения, успокоения, наполняя каждый уголок его души каким-то удивительным покоем, постигнуть который может только душа истинного верующего человека, преступающего порог храма Господня. Крестоносцы вставали с колен и, совершив земной поклон и, крестясь, проходили ворота аббатства, где их с радостью встречали англичане, оставленные Ги де Леви для охраны и ухода за ранеными воинами.

– Как здоровье наших братьев? – Спросил Бушар у аббата. – Надеюсь, они не доставляют вашим монахам слишком много хлопот?..

– О чем вы изволите говорить, мессир де Марли... – поклонился аббат, уводя Бушара в сторону часовни. – Наша первейшая задача и состоит в том, чтобы оказывать помощь страждущим, лечить раненых Христовых воинов, исцелять души и обращать к светочу веры заблудших в потемках язычества, ереси и безбожия...

– Благодарю вас, святой отец. – Ответил рыцарь, отвешивая земной поклон перед входом в часовню. – Тем не менее, прошу вас к Дню Всех Святых подготовить подробный счет, который и препроводите мессире сенешалю де Леви. Мы не вправе нагружать земными хлопотами слуг Господних, у которых и так полно забот более возвышенного рода.

Аббат улыбнулся, морщинки покрыли уголки век, наполняя теплотой, худощавое лицо старика, украшенное следами, переживай, прожитых лет, испытаний и лишений. «Немного добрых морщин не мешает ему... – подумал рыцарь, взглядываясь в аскетическое лицо аббата. – Слишком много горестей он повидал в этом мире...»

– Сын мой, я счастлив, что могу снова видеть вас во здравии, – священник предложил присесть на скамью. – Для того мы и нужны, чтобы беседой облегчать страдания, находить ответы и путь к Господу. То, что вы, как я уже понял, совершили, было актом мщения за убиенных воинов, polegших в нескольких лье от нас?..

– Да, отче, только мщение... – грустно вздохнул рыцарь и уронил свою голову на ладони священника. – Верно ли я поступил, предавшись чувству, охватившему меня при виде тел своих товарищей?..

Аббат поднял глаза к небу, вздохнул и, глядя его ладонью по волосам, ответил:

– На все воля Божья, сын мой. Конечно, грех смертоубийства никогда не смыть с души человеческой. Но, для этого и существует наша вера, дающая помощь...

– Отче! Я казнил только врагов церкви... – Бушар поднял голову и посмотрел в глаза священнику. – Они были виновны...

– Конечно, сын мой, они были виновны... – покачал головой аббат. – А ты, часом, не забыл одну из заповедей Господних? Не суди, да не судим будешь... Или, какой мерой меришь, такой и...

– Я помню, отче... – заплакал суровый рыцарь. – Но, поймите и вы меня, отче, как же я мог простить врагов! Они убили крестоносцев, отправленных только для защиты вашего монастыря и аббатства...

– От имени Создателя, я снимаю с тебя эти грехи, сын мой. – Священник положил руку на голову крестоносца. – Убивая врагов церкви, ты служил мечом Господним...

– Но, отче, я казнил вместе с катарами старост тех селений, где мы обнаружили раненых, я сжег дома крестьян...

– Значит, так было угодно... – уклончиво ответил священник, отводя глаза от крестоносца.

– Кому угодно, отче? – Переспросил Бушар, хватая руку аббата.

Священник грустно улыбнулся, встал, подошел к купели и зачерпнул небольшим серебряным ковчежцем святую воду, бережно обтер края салфеткой и протянул ковчежец крестоносцу:

– Испей святой воды, Христов воин, испей воды очищения и всепрощения. Смой с себя невзгоды и тягостные думы, открой сердце и душу чистоте помыслов и любви Господа.

Бушар дрожащими от волнения руками принял серебряный ковчежец из рук аббата и прикоснулся губами к прохладным краям. Святая вода освежающей и очищающей прохладой проникала в тело воина, наполняя его сердце покоем и тишиной. Гул, витавший в его голове, улетучивался, исчезал, превращаясь в еле слышные шепоты, всполохи, вместо него приходило облегчение, тело рыцаря становилось легким, словно невесомым, голова приятно кружилась.

Аббат зачерпнул рукой немного святой воды и осторожно, капля за каплей, пролил ее на волосы воина. Бушар закрыл глаза, чувствуя, как прохладные капли приятно касаются его кожи, сбегая небольшими освежающими струйками к шее, оставляя после себя ощущение чистоты и первозданной белизны, смывая грязь и ужасы кровавой войны, в которой, словно в кровавой ванне, купались до сего момента душа и тело рыцаря.

– Позволь, я оставляю тебя в храме одного... – тихо произнес священник, обращаясь к рыцарю, сидевшему на скамье с закрытыми глазами. – Тебе надо посидеть в тишине. Твоя душа сама найдет дорогу к Богу, не бойся, она не станет блуждать в потемках...

Бушар молча покачал головой. Священник осторожно вышел из часовни, прикрыл двери и шепнул монаху, стоявшему возле них:

– Никого не впускай, брат Иероним, благородному сеньору надо побыть наедине с Господом...

– Слушаюсь, отче... – монах склонился перед аббатом.

Бушар де Марли тихо сидел на скамье часовни, он закрыл глаза и слышал только свое ровное, глубокое дыхание, сопровождаемое гулкими ударами его сердца. Голоса и наваждения прожитых месяцев отступили, исчезли в небытие, оставляя после себя кровоточащие раны, заживающие медленно, но, с Божьей помощью, как полагал рыцарь, они вскоре должны исчезнуть.

Он увидел свой родной замок, речушку, омывающую стены и башни, вспомнил себя совсем маленьким. Рыцарь улыбнулся сквозь дремоту. Старый рыцарь, верой и правдой служивший его отцу и деду, вырезал из сухой доски первый деревянный меч, а мальчик с черными, словно смоль, и кудрявыми, как шкурка ягненка, волосами стоял рядом с ним и нетерпеливо переступал ножками, ожидая окончания этой долгой, как ему казалось, работы.

Бушар открыл глаза и посмотрел на свои большие ладони. На мгновение ему показалось, что он видит на них свой маленький деревянный меч, вырезанный ему стариком рыцарем. Он тряхнул головой – наваждение растаяло. Рыцарь грустно вздохнул. Ему было жаль расставаться с таким ярким и детским воспоминанием, пришедшим к нему из глубин его души.

– Спасибо тебе, Отец Небесный... – он перекрестился, после чего, выпрямился и вышел из часовни на яркое солнце.

Воины разговаривали с англичанами и обсуждали последние события. Рыцарь прошелся между ними, прислушиваясь к их разговорам, встретил одного из монахов, спешившего куда-то по делам, и спросил у того, где находятся раненые крестоносцы и Артур де Беллем. Монах указал рукой на небольшой одноэтажный каменный флигель, видневшийся в дальнем углу фруктового сада. Крестоносец поблагодарил его и пошел к зданию. Раненые крестоносцы уже пошли на поправку и, опираясь на костыли или плечи своих товарищей, спешили навстречу воинам, прибывшим в аббатство. Они радостно улыбались и приветствовали де Марли, тот улыбался им в ответ и спрашивал о здоровье, спеша к Артуру. Он нашел Артура де Беллем, лежащим в тени кроны большой груши. Тот был бледен, хотя и старался держаться молодцом при встрече с грозным рыцарем.

– Здравствуй, благородный де Беллем! – Радостно произнес Бушар, присаживаясь возле Артура. – Вижу, что руки монахов и Божья благодать сослужили хорошую службу и поставили тебе на ноги...

Тот кисло улыбнулся, на его бледном лице промелькнула тень сомнения, перемешанного с тоской, тревогой и грустью от сознания своего временного убожества, слабости и никчемности.

– Ничего-ничего, – продолжал де Марли, хлопая его по плечу, – скоро ты снова сядешь в седло и вынешь меч своих славных предков.

Артур застонал. Бушар слишком переусердствовал, выражая свою радость похлопыванием плеча раненого воина.

– Ой, прости меня, ради Христа! – Испугался де Марли. – Забыл, что ты серьезно ранен...

– Ничего, просто царапина, месье де Марли... – вежливо ответил Артур. – Как там поживает месье де Клэр? Здоров ли?..

– Слава Создателю! – Засмеялся в ответ рыцарь. – Мы с месье де Клэр познакомились с двумя прелестницами, скрасившими наше одиночество! Они перевернули всю нашу жизнь, наполнив ее красотой, яркостью и любовью...

Раненый улыбнулся уголками губ и снова спросил:

– Как дела у Гуго? Надеюсь, что юный де Арси не подкачал?..

– Нет, что ты, де Беллем! Гуго – славный парень и, клянусь Небом, он станет со временем великолепным рыцарем! А, как ты, как себя чувствуешь, как спина?..

Артур сделался мрачным, закрыл глаза и тяжело вздохнул. Бушар испугался, думая, что тому сделалось плохо, но англичанин открыл глаза и, тоскливо смотря в глаза собеседнику, ответил:

– Иду на поправку, правда, медленно. Боюсь, что я уже не буду тем рыцарем, которого вы помнили раньше, месье де Марли...

– А вот это перестань говорить! – Пожурил его Бушар. – Ерунда! Помнится, меня так хватили сарацины в Палестине, что я, признаться, уже думал, что душу отдам в руки Господни!

А, поди-ка, выжил, снова жив и здоров, как прежде! И ты, мой славный де Беллем, еще покажешь врагам!..

– Полагаю, сеньор де Марли, что моя рана затронула не только спину и часть печени...
– ответил молодой воин.

– Не понял? – Испугался де Марли. – А, ну-ка, рассказывай, что там у тебя еще случилось...

Артур весело улыбнулся и погладил его руку:

– Все, слава Господу, мессир. Только, лежа в постели, я стал задумываться о смысле нашей жизни и пришел к выводу, что...

– Что лучше вина, женщин и хорошей схватки на копьях и мечах ничего нет лучше на белом свете! Так? – Засмеялся Бушар, пытаясь угадать продолжение слов раненого.

– Не совсем, мессир де Марли. – Пожал плечами воин. – Позволю не согласиться с вашими славами. Есть еще служение Господу, сюзерену и стране...

– Эх, как ты завернул! – Восхитился де Марли. – Вот, до чего может довести рыцаря излишняя грамотность! Правильно я сделал, когда послал монаха куда подальше, ну, в общем, отказался продолжить обучение письму в отрочестве! Я даже помыслить боюсь, куда бы меня завели знания...

Артур весело засмеялся, но тут же поморщился от боли, возникшей в ране.

– Что такое? Болит? – Забеспокоился рыцарь. – Терпи, мой друг, Бог терпел, и нам велел...

– Да-да, конечно, мессир де Марли. – Раненый открыл глаза. – Признаться, я хочу посвятить оставшуюся жизнь служению Господу...

– Да-а-а... – покачал головой Бушар. – Поразительно! Кому скажешь – не поверят...

– Мне нравятся здешние места, – продолжал Артур. – Тут хорошо и красиво. Благодать, одним словом...

– Так, приеду в Каркассон и пожалуюсь на тебя мессир де Клэр и сенешалю! Пусть они приедут и вправят твои мозги, вставшие набекрень! Лично я больше слышать не хочу такую чушь и ересь! Артур, ты славный воин! Сама судьба испытывает тебя на крепость духа. Не смей отступать...

– Мессир, я и не отступаю, – ответил рыцарь. – Просто, я атакую жизнь с фланга...

– Обязательно доложу сенешалю, он тебе такой фланг устроит! Мама не горюй! Значит так, выздоравливай, приходи в себя, отдыхай, кушай, в конце концов, – Бушар сорвал спелую грушу и протянул ее англичанину, – фрукты! Они, говорят, не только вкусные, но и полезные...

– Вы, право, как отец, мессир де Марли... – улыбнулся в ответ англичанин, принимая грушу от рыцаря. – Тот, помнится, тоже любил рассуждать о предназначении рыцаря и пользе фруктов...

– Жаль, что я не твой отец! – Улыбнулся Бушар. – Взял бы розги, да и выпорол тебя почем зря! Мигом бы перестал нести околесицу!..

– Больше не буду... – засмеялся воин. – Хотя, возможно, мое решение и понравится сенешалю де Леви. Он – сеньор разумный и трезвомыслящий...

– Ох-ох, какие же мы, грамотные! – подбоченился де Марли. – Все, значит, разумные, только старина Бушар один такой неотесанный...

– Перестаньте, мессир де Марли! – Вспыхнул от смущения и стыда за свои слова англичанин. – Для меня всегда было, есть и будет оставаться честью то, что я познакомился с вами! Именно вы, а никто другой, научили меня многому, сделали из юного сорванца настоящего рыцаря, привили верное понимание чести, соблюдение верности всему командиру и сюзерену. Слишком много вы сделали для меня, словами этого не передашь...

Крестоносец растерялся от таких слов англичанина, он почесал у себя за ухом и ответил:

– Благодарю. Жаль, что у меня нет сыновей. Я мечтал, чтобы они походили на вас. Отдыхай, мне надо распределить арбалетчиков, которых я привел в аббатство, и наметить работы по укреплению стен и ворот. Не приведи Господь, если катары решатся на штурм...

– Ступайте с Богом, мессир де Марли. – Ответил Артур. Бушар повернулся и пошел по дорожке. Когда он отошел, еле слышно прошептал. – Я и сам порой сожалею, что вы – не мой отец. Храни вас Господь...

ГЛАВА III.

Продолжение событий в Каркассоне. Жертва Марии во имя любви.

Каркассон. Цитадель. 29 августа 1221 года.

Вернемся и мы назад, чтобы узнать о дальнейшем развитии событий.

Ги де Леви спешно выстроил всадников и повел их к воротам цитадели, оставив в ней только горстку стражников и десять рыцарей во главе с Жильбером де Клэр. Возле самых ворот к нему подбежала Мария, схватившая стремя его коня. Сенешаль нехотя осадил жеребца и посмотрел на нее:

– Что-нибудь с сыном?..

– Нет, слава Богу, с Ги все хорошо, если можно так назвать... – покачала головой женщина. Она умоляюще посмотрела сенешалю в глаза и произнесла. – Я боюсь за тебя, возьми меня с собой, пожалуйста...

– Нет. Это не женское дело... – буркнул он в ответ, пытаясь убрать руку Марии.

– Помилуй, я знаю городского старшину, может, я смогу с ним поговорить и убедить его...

– Ладно. Черт с тобой, залезай... – сенешаль протянул руку.

Мария ловко запрыгнула к нему на колени и поцеловала в щеку. Сенешаль смутился такому проявлению чувств перед посторонними воинами и сердито ответил:

– Так, сиди смирно и не балуйся. Ссажу с коня!..

– Все-все, милый, больше не буду... – засмеялась Мария. Ее нежный смех приятно щекотал сердце рыцаря.

– Вперед, ребята!.. – он поддал шпорами своего коня, увлекая всадников в нижний город.

Всадники проскочили узкие улочки и осадили коней напротив дома, принадлежащего старшине города. Ги ссадил Марию с коня, а сам остался в седле, когда к нему подбежал один из агентов:

– Сеньор сенешаль! Они все вошли в дом около получаса назад. В окнах видно шевеление...

Каркассон. Нижний город. Дом городского старшины.

– Изумительно! – Раймон де Мирпуа, младший брат Пьера-Роже, не сдерживал радости. – Они клонули и выскочили из цитадели, оставив в ней горстку стражников. Судя по толпе, все рыцари вместе с сенешалем де Леви возле дома...

Он отошел от окна и обратился к своим людям, которых было около пятидесяти человек, каждый из которых был прекрасно вооружен и подготовлен для атаки.

– Всем в подземный ход! Пробирайтесь по нему из дома и незаметно скапливайтесь возле ворот. Затем, внезапной атакой сминайте гарнизон возле них и прорывайтесь к дальней башне! Именно в ней, судя по всему, и держат нашу малышку! Отбиваете ее, освобождаете наших

людей, захваченных сенешалем возле аббатства Фанжо, через куртину по веревкам спускайтесь к лесу, где вас ждут кони...

Воины молча поклонились ему.

– А, как же вы, дон Раймон?.. – спросил один из них.

– Я уйду позже и выскользну из города. Меня можете не ждать. Мне еще надо закончить дело с сеньором де Леви, покусившимся на земли отца, убитого им десять лет назад... – спокойно ответил им Раймон де Мирпуа. – Со мной останутся трое моих людей, мы отвлечем крестоносцев и задержим их возле дома. Спешите, время не ждет!..

Катары поклонились и быстро спустились в подвал дома, где находилась замаскированная дверца подземного хода, открытого, по преданию, еще древними готами или, чем черт не шутит, самими римскими legionерами.

Раймон встал возле окна и взял в руки арбалет. Сенешаль де Леви, разговаривавший с каким-то человеком, был буквально как на ладони, представляя удобную мишень для стрелка.

Раймон успокоил нервы, несколько раз глубоко вдохнул и открыл глаза, ища в прицеле арбалета фигуру сенешаля.

– Лови подарок от нашего батюшки... – тихо прошептали губы Раймона в момент, когда он спустил собачку арбалета.

Болт разбил стекла окна и понесся к Ги де Леви...

– Прекрасно! Клянусь Небом, мы покончим с этим осиным гнездом... – ответил сенешаль и спрыгнул с коня...

Он развернулся, чтобы приказать рыцарям спешиваться и начинать атаку, когда внезапно услышал звон разбиваемого окна и низкий жужжащий звук арбалетного болта. Сердце его сжалось. Он резко развернулся и, в это самое время, Мария толкнула его, встав на пути полета стрелы. Ги от неожиданного толчка чуть не упал, сделав несколько шагов в сторону. Он увидел, как еле заметный черный силуэт стрелы пронзил навывлет тело женщины, выбросив в небо красное облачко крови. Мария неуклюже взмахнула руками и стала медленно оседать на каменную улицу. Ги поймал ее тело и повалился на колени, прижимая голову несчастной к себе.

– Милый, – прошептала Мария и открыла свои глаза. – Я же предупреждала тебя...

– Что ты, родная, не смей... – Ги тряс ее голову. – Не думай даже умирать! Нет! Я же люблю тебя...

– Я знаю... – ответила она и улыбнулась холодеющими губами, из ее рта вылилась густая струйка крови, которая потекла по шее и пролилась на булыжники.

Сенешаль поднял голову и закричал:

– На штурм! Всех убивать! Всех!..

Рыцари, прикрываясь щитами, рванулись через улицу к дому. В ответ, по ним выстрелили из арбалетов несколько раз, но враги промахнулись, лишь слегка зацепив одного из нападавших крестоносцев.

Ги видел, как его рыцари быстро вышибли двери дома и скрылись в его недрах. Он опустил голову и посмотрел на Марию. Ее красивые и большие глаза, окруженные длинными и пушистыми ресницами, начали стекленеть и терять свой неповторимый и волнующий сердце трепетный блеск. Живость ее глаз медленно тускнела, замещаясь пустотой и отрешенностью.

– Я ведь хотела сделать тебе сюрприз. У меня будет ребенок. Твой ребенок. Мальчик, я знаю это... – прошептала она и умерла на его руках. Ее последними словами были. – Люблю тебя...

Рыцарь опустил голову и прижал Марию к себе. Страшная горечь, тоска и ужас охватывали его сердце, рвали на части его голову. Мария умерла не одна! Вместе с ней погиб и его еще не родившийся сын! Плевать, что он должен был стать бастардом! Какая мелочь! Но, сенешаль тихо застонал. Нет Марии. Нет его сына-бастарда. Ничего сейчас нет в этом проклятом городе.

Ничего! Даже его родной Ги, кровь от крови, плоть от плоти, лежит раненый какой-то мерзкой и ублюдочной тварью! Ничего нет! Пустота, зияющая и звенящая пустота!..

Из дома выбежал рыцарь, который доложил сенешалю:

– Мессир! Они закрылись в подвале! Сдаваться отказываются! Мы ломаем дверь, но она, собака, крепкая!..

– Ломайте... – отрешенно ответил сенешаль. – Нет! Постой-ка! Завалите подвал. Дом сжечь и сравнять с землей. Никого не щадить. Никого!..

– Будет исполнено, ваша милость... – ответил воин и побежал в дом.

Через полчаса дом был подожжен. Пламя стало охватывать его своими робкими языками, словно пробовало на вкус и крепость.

Сенешаль сидел на каменных булыжниках улицы, прижимая умершую Марию к себе. Он был весь залит ее кровью, пропитавшей все одежды, и сидел в темной луже крови, пролитой женщиной ради него, погибшей, но спасшей его, отдавшей свою жизнь и жизнь его ребеночка ради спасения и продолжения существования Ги де Леви, сенешаля города Каркассон, маршала де Ла Фо и альбигойского крестоносца...

Вдруг, он услышал крики и поднял голову. К нему бежал стражник, который был, по-видимому, ранен, но спешил из последних сил к сенешалю.

– Сеньор! На цитадель напали! Стража возле ворот смята! Враги в крепости!.. – крикнул воин и упал возле сенешаля, потеряв сознание.

– Тревога! Тревога! Враг в цитадели! По коням!.. – закричал Ги де Леви.

Он бросил тело Марии и вскочил в седло, увлекая за собой рыцарей от горящего дома, который, как он догадался, служил отвлекающим маневром. Главной же целью катаров была цитадель и освобождение пленников.

Рыцари понеслись за ним, давая прохожих на улочках нижнего города.

Ворота цитадели были открыты. Сенешаль увидел несколько тел врагов, лежавших возле стражников, застигнутых ими врасплох, но мужественно оборонявшихся до конца, пытаясь отстоять ворота. Кони перескочили тела и ворвались во внутренний двор крепости. Бой к этому времени уже практически затих, разбившись на несколько стычек, разбросанных в разных местах цитадели. Группа рыцарей во главе с Жильбером де Клэр стойко отбивалась возле дома сенешаля, стараясь не пропустить катаров в здание. Несколько уцелевших стражников, пятясь, отступали к дальней башне, где содержались под видом пленных Робер и Гуго де Арси. Но, вскоре, и они были сражены врагами, оттянув захват башни.

Сенешаль понял, что катары решили отбить захваченных людей и спасти из плена Флоранс, полагая, что и она содержится в башне вместе с другими. Он выхватил меч из ножен и атаковал врагов, пытавшихся сломать дверь в башню. Половина его всадников набросилась на группу катаров, сражавшихся с рыцарями Жильбера де Клэр, окружила их и принудила бросить оружие, вымаливая о пощаде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.